

СООТВЕТСТВУЕТ
ГОСТ 7.56-2002

ISSN 2304-2338

ПРОБЛЕМЫ

**СОВРЕМЕННОЙ
НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**
PROBLEMS OF MODERN SCIENCE AND EDUCATION

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ» № 5 (216) 2026

2026 № 5 (216)



PROBLEMS OF MODERN SCIENCE AND EDUCATION

2026. № 5 (216)

FOUNDERS: VALTSEV S.V., VOROBIEV A.V.

EDITORIAL BOARD

Abdullaev K. (PhD in Economics, Azerbaijan), *Alieva V.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Akbulaev N.* (D.Sc. in Economics, Azerbaijan), *Alikulov S.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Anan'eva E.* (D.Sc. in Philosophy, Ukraine), *Asaturova A.* (PhD in Medicine, Russian Federation), *Askarhodzhaev N.* (PhD in Biological Sc., Republic of Uzbekistan), *Bajtasov R.* (PhD in Agricultural Sc., Belarus), *Bakiko I.* (PhD in Physical Education and Sport, Ukraine), *Bahor T.* (PhD in Philology, Russian Federation), *Baulina M.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Blejh N.* (D.Sc. in Historical Sc., PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Bobrova N.A.* (Doctor of Laws, Russian Federation), *Bogomolov A.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Borodaj V.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Volkov A.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Gavrilenkova I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Garagonich V.* (D.Sc. in Historical Sc., Ukraine), *Glushhenko A.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Grinchenko V.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Gubareva T.* (PhD in Laws, Russian Federation), *Gutnikova A.* (PhD in Philology, Ukraine), *Datij A.* (Doctor of Medicine, Russian Federation), *Demchuk N.* (PhD in Economics, Ukraine), *Divnenko O.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Dmitrieva O.A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Dolenko G.* (D.Sc. in Chemistry, Russian Federation), *Esenova K.* (D.Sc. in Philology, Kazakhstan), *Zhamuldinov V.* (PhD in Laws, Kazakhstan), *Zholdoshev S.* (Doctor of Medicine, Republic of Kyrgyzstan), *Zelenkov M.YU.* (D.Sc. in Political Sc., PhD in Military Sc., Russian Federation), *Ibadov R.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Republic of Uzbekistan), *Il'inskikh N.* (D.Sc. Biological, Russian Federation), *Kajrakbaev A.* (PhD in Physical and Mathematical Sciences, Kazakhstan), *Kajtaeva M.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Klinkov G.T.* (PhD in Pedagogic Sc., Bulgaria), *Koblanov Zh.* (PhD in Philology, Kazakhstan), *Koval'ov M.* (PhD in Economics, Belarus), *Kravicova T.* (PhD in Psychology, Kazakhstan), *Kuz'min S.* (D.Sc. in Geography, Russian Federation), *Kulikova E.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Kurmanbaeva M.* (D.Sc. Biological, Kazakhstan), *Kurpajanidi K.* (PhD in Economics, Republic of Uzbekistan), *Linkova-Daniels N.* (PhD in Pedagogic Sc., Australia), *Lukienko L.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Makarov A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Macarenko T.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Meimanov B.* (D.Sc. in Economics, Republic of Kyrgyzstan), *Muradov Sh.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Musaev F.* (D.Sc. in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Nabiev A.* (D.Sc. in Geoinformatics, Azerbaijan), *Nazarov R.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Naumov V.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Ovchinnikov Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Petrov V.* (D.Arts, Russian Federation), *Radkevich M.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Rakhimbekov S.* (D.Sc. in Engineering, Kazakhstan), *Rozyhodzhaeva G.* (Doctor of Medicine, Republic of Uzbekistan), *Romanenkova Yu.* (D.Arts, Ukraine), *Rubcova M.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Rumyantsev D.* (D.Sc. in Biological Sc., Russian Federation), *Samkov A.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *San'kov P.* (PhD in Engineering, Ukraine), *Selitrenikova T.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sibirceva V.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Skripko T.* (D.Sc. in Economics, Ukraine), *Sopov A.* (D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Strekalov V.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Stukalenko N.M.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Kazakhstan), *Subachev Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Sulejmanov S.* (PhD in Medicine, Republic of Uzbekistan), *Tregub I.* (D.Sc. in Economics, PhD in Engineering, Russian Federation), *Uporov I.* (PhD in Laws, D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Fedos'kina L.* (PhD in Economics, Russian Federation), *Khiltukhina E.* (D.Sc. in Philosophy, Russian Federation), *Cuculjan S.* (PhD in Economics, Republic of Armenia), *Chiladze G.* (Doctor of Laws, Georgia), *Shamshina I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sharipov M.* (PhD in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Shevko D.* (PhD in Engineering, Russian Federation).

Publishing house «PROBLEMS OF SCIENCE»

153000, Russian Federation, Ivanovo, Red Army st., h.20, 3th floor, of. 3-3. Phone: +7 (915) 814-09-51.

[HTTP://WWW.IPII.RU](http://www.ipii.ru)

E-MAIL: INFO@P8N.RU

DISTRIBUTION: RUSSIAN FEDERATION, FOREIGN COUNTRIES

Moscow
2026

ISSN 2304–2338 (печатная версия)
ISSN 2413–4635 (электронная версия)

Проблемы современной науки и образования 2026. № 5 (216)

Российский импакт-фактор: 1,72

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Проблемы науки»

Журнал
зарегистрирован
Федеральной
службой по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и
массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)
Реестровая запись
ПИ №ФС77– 47745

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредители журнала: Вальцев С.В., Воробьев А.В.
Главный редактор: Вальцев С.В.
Зам.главного редактора Кончакова И.В.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдуллаев К.Н. (д-р филос. по экон., Азербайджанская Республика), *Алиева В.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Акбулаев Н.Н.* (д-р экон. наук, Азербайджанская Республика), *Аликулов С.Р.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Аманьева Е.П.* (д-р филос. наук, Украина), *Асатурова А.В.* (канд. мед. наук, Россия), *Аскарходжаев Н.А.* (канд. биол. наук, Узбекистан), *Байтасов Р.Р.* (канд. с.-х. наук, Белоруссия), *Бакико И.В.* (канд. наук по физ. воспитанию и спорту, Украина), *Бахор Т.А.* (канд. филол. наук, Россия), *Баулина М.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Блейх Н.О.* (д-р ист. наук, канд. пед. наук, Россия), *Боброва Н.А.* (д-р юрид. наук, Россия), *Богомолов А.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Бородай В.А.* (д-р социол. наук, Россия), *Волков А.Ю.* (д-р экон. наук, Россия), *Гавриленкова И.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Гарагонич В.В.* (д-р ист. наук, Украина), *Глуценко А.Г.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Гринченко В.А.* (канд. техн. наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия), *Гутникова А.В.* (канд. филол. наук, Украина), *Датий А.В.* (д-р мед. наук, Россия), *Демчук Н.И.* (канд. экон. наук, Украина), *Дивненко О.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Дмитриева О.А.* (д-р филол. наук, Россия), *Доленко Г.Н.* (д-р хим. наук, Россия), *Есенова К.У.* (д-р филол. наук, Казахстан), *Жамулдинов В.Н.* (канд. юрид. наук, Казахстан), *Жолдошев С.Т.* (д-р мед. наук, Кыргызская Республика), *Зеленков М.Ю.* (д-р полит. наук, канд. воен. наук, Россия), *Ибадов Р.М.* (д-р физ.-мат. наук, Узбекистан), *Ильинских Н.Н.* (д-р биол. наук, Россия), *Кайракбаев А.К.* (канд. физ.-мат. наук, Казахстан), *Кафиаева М.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Киквидзе И.Д.* (д-р филол. наук, Грузия), *Клишкова Г.Т.* (PhD in Pedagogic Sc., Болгария), *Кобланов Ж.Т.* (канд. филол. наук, Казахстан), *Ковалёв М.Н.* (канд. экон. наук, Белоруссия), *Крацова Т.М.* (канд. психол. наук, Казахстан), *Кузьмин С.Б.* (д-р геогр. наук, Россия), *Куликова Э.Г.* (д-р филол. наук, Россия), *Курманбаева М.С.* (д-р биол. наук, Казахстан), *Курпаянцовой К.И.* (канд. экон. наук, Узбекистан), *Линькова-Дашелес Н.А.* (канд. пед. наук, Австралия), *Лукиченко Л.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Макаров А. Н.* (д-р филол. наук, Россия), *Мацаренко Т.Н.* (канд. пед. наук, Россия), *Мейманов Б.К.* (д-р экон. наук, Кыргызская Республика), *Мурадов Ш.О.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Мусаев Ф.А.* (д-р филос. наук, Узбекистан), *Набиев А.А.* (д-р наук по геoinформ., Азербайджанская Республика), *Назаров Р.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Наузов В. А.* (д-р техн. наук, Россия), *Овчинников Ю.Д.* (канд. техн. наук, Россия), *Петров В.О.* (д-р искусствоведения, Россия), *Радкевич М.В.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Рахимбеков С.М.* (д-р техн. наук, Казахстан), *Розыходжаева Г.А.* (д-р мед. наук, Узбекистан), *Романенкова Ю.В.* (д-р искусствоведения, Украина), *Рубцова М.В.* (д-р социол. наук, Россия), *Румянцев Д.Е.* (д-р биол. наук, Россия), *Самков А. В.* (д-р техн. наук, Россия), *Саньков П.Н.* (канд. техн. наук, Украина), *Селитренникова Т.А.* (д-р пед. наук, Россия), *Сибирцев В.А.* (д-р экон. наук, Россия), *Скрипко Т.А.* (д-р экон. наук, Украина), *Солов А.В.* (д-р ист. наук, Россия), *Стрекалов В.Н.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Стукаленко Н.М.* (д-р пед. наук, Казахстан), *Субачев Ю.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Сулейманов С.Ф.* (канд. мед. наук, Узбекистан), *Трегуб И.В.* (д-р экон. наук, канд. техн. наук, Россия), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р ист. наук, Россия), *Федоскина Л.А.* (канд. экон. наук, Россия), *Хилтухина Е.Г.* (д-р филос. наук, Россия), *Цицунян С.В.* (канд. экон. наук, Республика Армения), *Чиладзе Г.Б.* (д-р юрид. наук, Грузия), *Шамишина И.Г.* (канд. пед. наук, Россия), *Шарипов М.С.* (канд. техн. наук, Узбекистан), *Шевко Д.Г.* (канд. техн. наук, Россия).

Издается с 2011
года

Территория
распространения:
зарубежные
страны,
Российская
Федерация

Подписано в
печать:
11.05.2026.
Дата выхода в
свет:
22.05.2026

Формат 70x100/16.
Бумага офсетная.
Гарнитура
«Таймс».
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,662
Тираж 100 экз.
Заказ № 00200

Свободная цена

© ЖУРНАЛ «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ»/PROBLEMS OF MODERN SCIENCE
AND EDUCATION»

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»

Содержание

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	5
<i>Нуркенов С.Б. МОДЕЛЬ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО КОНТРОЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРАКТИВНЫХ ЧЕК-ЛИСТОВ / Nurkenov S.B. MODEL OF AUTOMATED MONITORING OF PRACTICAL TASK COMPLETION USING INTERACTIVE CHECKLISTS</i>	<i>5</i>
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	9
<i>Соболева А.А. АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ АГРАРНОГО СЕКТОРА / Soboleva A.A. ANALYSIS OF THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE SHADOW ECONOMY IN THE AGRICULTURAL SECTOR.....</i>	<i>9</i>
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	13
<i>Ханджян Д.Д., Зыза А.С. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ / Khanjyan D.D., Zyza A.S. UNIVERSAL AND NATIONAL-SPECIFIC CHARACTERISTICS OF VIRTUAL COMMUNICATION: LINGUISTIC AND PRAGMATIC ANALYSIS.....</i>	<i>13</i>
<i>Абатбаева Н. АНТРОПОМОРФНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КРАСОТЫ ПОСРЕДСТВОМ ЗООНИМОВ / Abatbaeva N. ANTHROPOMORPHIC CONCEPTUALIZATION OF BEAUTY THROUGH ZOONYMS</i>	<i>15</i>
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	19
<i>Жарбулова С.Т., Куанышбеккызы А., Нурманова Г.Б. ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ / Zharbulova S.T., Kuanyshbekkyzy A., Nurmanova G.B. THE INFLUENCE OF THE BILINGUAL ENVIRONMENT ON THE FORMATION OF STUDENTS' SPEECH CULTURE</i>	<i>19</i>
<i>Жарбулова С.Т., Темирхан М. ИИ В ОБРАЗОВАНИИ: СТРАТЕГИЯ ЭТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ / Zharbulova S.T., Temirkhan M. AI IN EDUCATION: A STRATEGY FOR ETHICAL INTERACTION</i>	<i>21</i>
<i>Nandintsetseg Sh., Ariunaa N. PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF TEACHERS IN MONGOLIA / Нандинтсецег Ш., Ариунаа Н. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ УЧИТЕЛЕЙ В МОНГОЛИИ</i>	<i>23</i>
<i>Календжян А.М. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОПЫТА РАБОТЫ ПО ПРОГРАММЕ «НЕЙРОУПРАЖНЕНИЯ И ТЕАТРАЛИЗОВАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОШКОЛЬНИКА» / Kalendzhyan A.M. PRESENTATION OF EXPERIENCE IN THE PROGRAM "NEUROEXERCISES AND THEATRICAL ACTIVITIES OF PRESCHOOLERS"</i>	<i>33</i>
<i>Нуркенов С.Б. ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ САМООРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРАКТИВНЫХ ЧЕК-ЛИСТОВ / Nurkenov S.B. FORMATION OF STUDENTS' SELF-ORGANIZATION SKILLS USING INTERACTIVE CHECKLISTS</i>	<i>36</i>

<i>Нуркенов С.Б.</i> ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ / <i>Nurkenov S.B.</i> GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR TRANSFORMING STUDENTS' LEARNING ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION	38
МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ	42
<i>Ganchimeg L., Bayarmaa N., Bayasgalanmunkh B., Narmandakh D.</i> SOME RESULTS OF ASSESSING THE CURRENT STATUS OF HEALTHY AGING AMONG OLDER ADULTS USING THE ICOPE COMPREHENSIVE ASSESSMENT TOOL / <i>Ганчимег Л., Баярмаа Н., Баясгаланмунхх Б., Нармандакх Д.</i> НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВОГО СТАРЕНИЯ СРЕДИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЛЕКСНОГО ИНСТРУМЕНТА ОЦЕНКИ ICOPE	42
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	49
<i>Литкин А.А.</i> ФЕНОМЕН КОНЦЕРТМЕЙСТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ / <i>Litkin A.A.</i> THE PHENOMENON OF CONCERTMASTER ACTIVITY IN UZBEKISTAN	49
АРХИТЕКТУРА	59
<i>Приемец О.Н., Асылхан К.К.</i> ОРНАМЕНТ В АРХИТЕКТУРЕ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПРАКТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ / <i>Priemets O.N., Asylkhan K.K.</i> ORNAMENT IN THE ARCHITECTURE OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF WORLD PRACTICE: COMPARATIVE EXPERIENCE AND DEVELOPMENT PROSPECTS	59
<i>Половцев И.Н.</i> УСАДЬБА ГОЛИЦЫНА — ВЯЗЕМСКОГО — ДОЛГОРУКОВЫХ В ПРОЕКТЕ МУЗЕЙНОГО ГОРОДКА ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА / <i>Polovtsev I.N.</i> THE GOLITSYN-VYAZEMSKY-DOLGORUKOV ESTATE IN THE A.S. PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS MUSEUM PROJECT	64

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОДЕЛЬ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО КОНТРОЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРАКТИВНЫХ ЧЕК-ЛИСТОВ

Нуркенов С.Б.

*Нуркенов Султан Болатович – магистрант,
кафедра «Computer Science»,
Торайгыров университет,
г. Павлодар, Республика Казахстан*

Аннотация: в данной статье рассматривается модель автоматизированного контроля выполнения практических заданий с использованием интерактивных чек-листов. Особое внимание уделяется вопросам цифрового сопровождения учебной деятельности, автоматизации контроля промежуточных этапов выполнения заданий и повышению эффективности взаимодействия между преподавателем и студентом. Анализируются современные подходы к построению информационных систем сопровождения практических работ, а также возможности применения интерактивных чек-листов для структурирования процесса выполнения заданий. Рассматриваются основные компоненты модели автоматизированного контроля, включая механизмы отслеживания прогресса, проверки этапов выполнения и формирования обратной связи.

Ключевые слова: интерактивные чек-листы, автоматизированный контроль, практические задания, информационные системы, цифровое обучение, образовательные технологии, сопровождение обучения, контроль выполнения заданий.

MODEL OF AUTOMATED MONITORING OF PRACTICAL TASK COMPLETION USING INTERACTIVE CHECKLISTS

Nurkenov S.B.

*Nurkenov Sultan Bolatovich – undergraduate,
«COMPUTER SCIENCE» DEPARTMENT,
TORAIGHYROV UNIVERSITY,
PAVLODAR, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN*

Abstract: this article discusses a model for automated monitoring of practical task completion using interactive checklists. Particular attention is paid to digital support for educational activities, automation of intermediate stage monitoring, and improving interaction efficiency between teachers and students. Modern approaches to building information systems for supporting practical assignments and the possibilities of using interactive checklists to structure the task completion process are analyzed. The main components of the automated monitoring model are considered, including mechanisms for progress tracking, stage verification, and feedback generation.

Keywords: interactive checklists, automated monitoring, practical tasks, information systems, digital learning, educational technologies, learning support, task completion monitoring.

УДК 004.94:37.091.3

Современная система высшего образования ориентирована на внедрение цифровых технологий, обеспечивающих сопровождение самостоятельной работы студентов и повышение эффективности контроля учебной деятельности. Особенно актуальной данная задача становится при организации практических и лабораторных работ, выполнение которых требует последовательного прохождения нескольких этапов, соблюдения методических рекомендаций и своевременного контроля результатов. В условиях увеличения объема самостоятельной подготовки возрастает необходимость разработки информационных систем, способных автоматизировать контроль выполнения заданий и обеспечивать постоянную обратную связь между преподавателем и обучающимся [1].

Одним из наиболее перспективных подходов к организации сопровождения практических работ является использование интерактивных чек-листов. В отличие от традиционных методических указаний, интерактивный чек-лист представляет собой динамическую структуру, содержащую этапы выполнения задания, элементы контроля, подсказки и механизмы фиксации прогресса. Использование подобных систем позволяет реализовать концепцию пошагового сопровождения учебной деятельности, при которой студент получает возможность контролировать собственный прогресс и своевременно устранять возникающие ошибки [2].

Основой модели автоматизированного контроля является представление практического задания в виде набора последовательных действий. Каждый этап выполнения работы содержит определенный набор параметров:

- описание действия;
- критерии успешного выполнения;
- рекомендуемые материалы;
- форму проверки результата;
- механизм обратной связи.

Подобный подход соответствует принципам scaffolding-модели обучения, предполагающей постепенную поддержку обучающегося при выполнении сложных задач. В исследованиях, посвященных интеллектуальным системам сопровождения обучения, отмечается, что структурированное пошаговое выполнение заданий способствует снижению когнитивной нагрузки и повышению качества усвоения материала [3].

Функционирование модели автоматизированного контроля предполагает взаимодействие нескольких компонентов информационной системы. Основными элементами являются:

1. модуль управления практическими заданиями;
2. модуль интерактивных чек-листов;
3. система мониторинга прогресса;
4. подсистема автоматической обратной связи;
5. аналитический модуль.

Модуль управления заданиями обеспечивает создание и настройку структуры практической работы. Преподаватель получает возможность определять последовательность этапов, добавлять инструкции, настраивать обязательные проверки и устанавливать критерии оценки результатов. Это позволяет стандартизировать процесс выполнения практических работ и уменьшить вероятность пропуска важных этапов.

Модуль интерактивных чек-листов выполняет функцию сопровождения студента в процессе выполнения задания. После завершения каждого этапа система фиксирует результат и изменяет статус выполнения работы. При необходимости студент может возвращаться к предыдущим этапам, просматривать рекомендации или получать дополнительные пояснения. Подобный подход применяется и в современных

профессиональных системах, использующих адаптивные интерактивные чек-листы для контроля сложных процессов и минимизации ошибок пользователя [4].

Система мониторинга прогресса предназначена для анализа хода выполнения практической работы. Информация о действиях пользователя сохраняется в базе данных и может использоваться для формирования статистики, оценки активности студентов и выявления наиболее проблемных этапов задания. Использование learning analytics позволяет преподавателю получать данные о времени выполнения отдельных действий, количестве повторных попыток и частоте возникновения ошибок. Это обеспечивает возможность более объективной оценки процесса выполнения практической работы, а не только итогового результата [5].

Важным элементом модели является подсистема автоматической обратной связи. В зависимости от действий пользователя система может:

- отображать уведомления об ошибках;
- предоставлять методические рекомендации;
- выдавать предупреждения о пропущенных этапах;
- предлагать ссылки на учебные материалы;
- формировать рекомендации по исправлению ошибок.

Автоматическая обратная связь особенно важна при организации дистанционного обучения, где непосредственное взаимодействие преподавателя и студента ограничено. Исследования показывают, что своевременное получение рекомендаций способствует повышению мотивации студентов и снижению количества ошибок при выполнении практических заданий [1].

Для реализации модели автоматизированного контроля могут использоваться современные веб-технологии и клиент-серверная архитектура. На стороне клиента осуществляется отображение интерактивного интерфейса и работа с чек-листами, а серверная часть отвечает за хранение данных, обработку результатов и управление логикой проверки. Использование REST API обеспечивает взаимодействие между компонентами системы и возможность интеграции с существующими образовательными платформами.

Структура взаимодействия компонентов модели

Следует отметить, что эффективность системы напрямую зависит от качества проектирования пользовательского интерфейса. Чрезмерно сложная структура чек-листов может затруднять восприятие информации и снижать удобство использования системы. Поэтому при разработке интерфейса необходимо учитывать принципы usability и адаптивного дизайна. Кроме того, важным аспектом является обеспечение гибкости системы, позволяющей адаптировать структуру чек-листов под различные дисциплины и уровни подготовки студентов [6].

Таким образом, модель автоматизированного контроля выполнения практических заданий с использованием интерактивных чек-листов позволяет повысить эффективность сопровождения учебной деятельности, обеспечить прозрачность процесса выполнения заданий и сформировать у студентов навыки самостоятельной работы. Использование подобных информационных систем является перспективным направлением развития цифровых образовательных технологий и способствует повышению качества практико-ориентированного обучения.

Список литературы / References

1. Faza A., Lestari I.A. Self-Regulated Learning in the Digital Age: A Systematic Review of Strategies, Technologies, Benefits, and Challenges // International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2025.
2. Digital learning in the 21st century: trends, challenges, and innovations // Frontiers in Education. 2025.

3. *Sun L., Chan A., Chang Y.S., Dow S.P.* ReviewFlow: Intelligent Scaffolding to Support Academic Peer Reviewing // ACM Digital Library, 2024.
4. *Lazarov W., Seda P., Martinasek Z., Kummel R.* Penterep: Comprehensive penetration testing with adaptable interactive checklists // Computers & Security. 2025.
5. *Krouska A., Troussas C.* Intelligent learning analytics in higher education: recent advances and future prospects // Education and Information Technologies. 2025.
6. *Alammary A.* Usability and effectiveness of educational information systems in higher education // Education Sciences. 2025.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ АГРАРНОГО СЕКТОРА

Соболева А.А.

*Соболева Алина Александровна – адъюнкт,
факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре экономической
безопасности, финансов и экономического анализа
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва*

Аннотация: в статье анализируются функциональные особенности теневой экономики в сельском хозяйстве как специфической подсистемы экономических отношений, оказывающей существенное влияние на хозяйственные, социальные и институциональные процессы в аграрной сфере. Обосновывается, что распространение теневой экономики в сельском хозяйстве связано с отраслевой спецификой, включая сезонный характер производства, его зависимость от природно-климатических факторов, доминирование мелкотоварных форм ведения хозяйства, а также недостаточную прозрачность и контролируемость движения ресурсов и финансовых потоков.

Ключевые слова: теневая экономика, сельское хозяйство, аграрный сектор, функциональные характеристики.

ANALYSIS OF THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE SHADOW ECONOMY IN THE AGRICULTURAL SECTOR

Soboleva A.A.

*Soboleva Alina Aleksandrovna – Postgraduated student
FACULTY OF TRAINING OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL AND SCIENTIFIC PERSONNEL
IN THE DEPARTMENT OF ECONOMIC SECURITY, FINANCE AND ECONOMIC ANALYSIS
MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA NAMED AFTER
V.YA. KIKOT,
MOSCOW*

Abstract: The article analyzes the functional features of the shadow economy in agriculture as a specific subsystem of economic relations that has a significant impact on economic, social, and institutional processes in the agricultural sector. It is argued that the spread of the shadow economy in agriculture is related to the specific features of the sector, including the seasonal nature of production, its dependence on natural and climatic factors, the dominance of small-scale farming, and the lack of transparency and control over the movement of resources and financial flows.

Keywords: shadow economy, agriculture, agricultural sector, and functional characteristics.

УДК 331.225.3

Теневая экономика является частью производства внутреннего валового продукта (ВВП), а ВВП, в свою очередь, является одной из главных характеристик результатов производства, темпов роста экономики, уровня экономического развития и других экономических показателей, формирующих представление о состоянии экономики страны [1]. Ее проявления охватывают практически все сферы экономической деятельности, однако в аграрном секторе она приобретает особую специфику,

обусловленную сезонным характером производства, высокой зависимостью от природно-климатических условий, значительной долей мелкотоварных форм хозяйствования, а также недостаточным уровнем контроля за движением ресурсов и финансовых потоков.

В этих условиях теневая экономическая деятельность становится не только фактором деформации рыночной среды, но и одним из механизмов адаптации хозяйствующих субъектов к институциональным ограничениям.

В исследовании С.Б. Чернова отмечено, что функции теневой экономики можно рассматривать на микро и макроуровнях. На микроуровне они проявляются через роль теневого рынка и субъектов теневого предпринимательства. Теневой рынок выполняет ряд функций:

1. Ценообразующая функция – это установление цен на теневые товары и услуги.

2. Информационная функция – это доведение информации о товарах и услугах в сфере теневой экономики до потребителей и теневых предпринимателей через механизм цен.

3. Регулирующая функция – это распределение теневого капитала по сферам теневой экономики в зависимости от степени их доходности.

4. Посредническая функция – это установление связи между теневыми предпринимателями и потребителями их товаров и услуг непосредственно, либо через теневых посредников.

5. Стимулирующая функция – это заинтересованность теневых предпринимателей в использовании новых способов незаконного увеличения теневой прибыли, снижения издержек и ухода от ответственности.

6. Разрушающая функция – это разрушение ресурсов в легальном секторе экономики в результате их перевода в теневой сектор [3].

Рассматривая функциональные характеристики теневой экономики аграрного сектора, их следует определять, как совокупность устойчивых направлений ее воздействия на хозяйственные, социальные и институциональные процессы, складывающиеся в системе сельскохозяйственного производства, переработки, обмена и распределения ресурсов.

С одной стороны, она выступает механизмом приспособления хозяйствующих субъектов к неблагоприятным условиям функционирования, а с другой формирует комплекс негативных последствий, препятствующих легализации экономических отношений, повышению эффективности аграрного производства и обеспечению устойчивого развития сельских территорий.

Для более глубокого понимания природы теневой экономики аграрного сектора необходимо рассматривать её не только как совокупность противоправных, неучтённых или частично скрываемых хозяйственных операций, но и как особую подсистему экономических отношений, выполняющую ряд объективно сложившихся функций в рамках сельскохозяйственного производства и сельского рынка.

Одной из важнейших функциональных характеристик теневой экономики в аграрном секторе выступает функция обеспечения занятости и доходов сельского населения. В аграрной сфере данная функция имеет особую значимость вследствие ограниченного количества стабильных рабочих мест, сезонности производства, невысокого уровня оплаты труда в ряде сегментов сельского хозяйства и слабой диверсификации экономики сельских территорий.

Дисбаланс системы экономических интересов, проявляющийся в росте дифференциации населения по уровню доходов, снижении качества жизни значительной части населения, в усилении монополизма крупных субъектов рынка, в ухудшении условий развития сектора малого и среднего предпринимательства, низком уровне социальной ответственности бизнеса и др., порождает определенные проблемы, сдерживающие развитие российской экономики [2]. В условиях, когда формальный рынок труда не способен в полной мере поглотить имеющиеся трудовые

ресурсы, теневая экономика становится дополнительным, а иногда и основным каналом вовлечения населения в хозяйственную деятельность.

Социально-экономическая роль данной функции состоит в том, что теневая занятость фактически амортизирует дисбалансы сельского рынка труда. В районах с ограниченными возможностями трудоустройства она позволяет населению поддерживать минимально необходимый уровень доходов, сглаживать последствия безработицы и скрытой безработицы, а также предотвращать резкое углубление бедности. Для многих домохозяйств продажа излишков сельскохозяйственной продукции, производство продуктов питания на основе личного подсобного хозяйства, выполнение разовых работ в соседних хозяйствах или участие в сезонных кампаниях становятся важнейшим источником денежных поступлений. В этом смысле теневая экономика выполняет стабилизирующую функцию, временно компенсируя недостаточную результативность официальной системы занятости и социальной поддержки. Более того, в отдельных случаях именно неформальная хозяйственная активность позволяет сельскому населению оставаться на территории постоянного проживания, не прибегая к вынужденной миграции в города или другие регионы.

Вместе с тем функция обеспечения занятости и доходов обладает внутренней противоречивостью. Её положительный эффект носит преимущественно краткосрочный и адаптационный характер, тогда как в долгосрочной перспективе устойчивое воспроизводство неформальной занятости приводит к ряду негативных последствий. Прежде всего, отсутствие официального оформления трудовых отношений лишает работников социальных гарантий, пенсионных отчислений, правовой защиты, доступа к страховым механизмам и полноценной защите от произвола работодателя. Неформальный характер труда, как правило, не стимулирует инвестиций в повышение квалификации, профессиональное обучение и рост производительности. В результате закрепляются низкопродуктивные, технологически отсталые и организационно неустойчивые формы занятости.

Кроме того, широкое распространение теневых трудовых практик снижает прозрачность рынка труда, затрудняет проведение адекватной социальной и экономической политики и формирует своеобразную институциональную ловушку, при которой неформальность становится нормой, а переход к легальным формам хозяйствования воспринимается как экономически невыгодный.

Не менее важной является регулятивно-адаптационная функция теневой экономики. Несмотря на внешнюю нелегальность или полуполегалность многих теневых операций, они часто выполняют роль своеобразного неформального механизма регулирования там, где официальная нормативная система оказывается недостаточно гибкой.

В аграрной сфере данная функция имеет особое значение, поскольку производство здесь связано с высокой степенью неопределённости, обусловленной погодными колебаниями, биологическими циклами, сезонностью работ, ограниченными сроками проведения технологических операций и существенными различиями между территориями по уровню обеспеченности инфраструктурой и ресурсами. В таких условиях стандартные формальные правила не всегда могут учесть всё многообразие хозяйственных ситуаций, и субъекты вынуждены вырабатывать альтернативные, более оперативные и менее формализованные способы координации действий.

Регулятивно-адаптационная функция проявляется в том, что теневая экономика формирует систему неформальных норм, договорённостей и практик, позволяющих участникам аграрного рынка согласовывать свои интересы и действия при минимальных затратах времени и ресурсов. К числу таких механизмов можно отнести устные соглашения о поставках продукции, неофициальную аренду земли и техники, временное использование трудовых ресурсов по договорённости сторон, негласные схемы расчётов между производителями, переработчиками и посредниками, а также локальные правила распределения доступа к рынкам сбыта. Подобные формы

взаимодействия зачастую оказываются более действенными, чем официальные процедуры, требующие значительного документального сопровождения и сопряжённые с высоким уровнем административных издержек. Иными словами, теневая экономика частично берет на себя функцию согласования и упорядочения хозяйственных связей, адаптируя экономические отношения к реальным потребностям сельского производства.

Однако данная регулятивная роль не должна оцениваться однозначно положительно. Хотя неформальные механизмы действительно способны временно компенсировать пробелы официального регулирования, они не создают устойчивой правовой защищённости субъектов и не обеспечивают прозрачности экономических отношений.

Более того, по мере институционализации такие практики могут превращаться в устойчивые схемы, основанные на зависимости, неравном доступе к информации, доминировании посредников и локальном административном контроле. Тогда адаптационная функция теневой экономики трансформируется в механизм консервации отсталых форм хозяйствования и неформального перераспределения власти на местном уровне. Вместо того чтобы стимулировать совершенствование формальных институтов, теневая регуляция начинает подменять их, формируя параллельный порядок, который в целом препятствует модернизации отрасли и укреплению правового пространства.

Таким образом, функциональные характеристики теневой экономики аграрного сектора свидетельствуют о её сложной и противоречивой природе. Она одновременно компенсирует институциональные провалы, поддерживает занятость и доходы, перераспределяет ресурсы и выполняет адаптационно-регулятивную роль в условиях несовершенства официальной системы хозяйствования. Во многих случаях теневая экономика представляет собой реакцию аграрных субъектов на структурные ограничения, слабость инфраструктуры, высокие транзакционные издержки и недостаточную гибкость формальных правил.

В то же время выполнение теневой экономикой ряда объективных функций не отменяет её деструктивного потенциала. Напротив, чем глубже она встраивается в воспроизводственный механизм отрасли, тем сильнее возрастает риск деформации конкуренции, закрепления неформальной занятости и торможения долгосрочного развития аграрного сектора. Поэтому анализ её функций имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку позволяет выявить те институциональные дефициты, устранение которых является необходимым условием сокращения теневых практик в сельском хозяйстве.

Список литературы / References

1. *Минина Т.И., Останина А.Р.* Новые подходы к определению понятия теневой экономики как угрозы экономической безопасности Российской Федерации // Хроноэкономика. 2018. №3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-tenevoy-ekonomiki-kak-ugrozy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.04.2026).
2. *Улезько А.В.* Механизм реализации экономических интересов сельского населения: монография / А.В. Улезько, И.М.Семенова. – Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2017. – 179 с.
3. *Чернов С.Б.* Функции теневой экономики // Вестник ГУУ. 2012. №13-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-tenevoy-ekonomiki> (дата обращения: 21.04.2026).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ханджян Д.Д.¹, Зыза А.С.²

¹Ханджян Диана Давидовна - кандидат филологических наук, доцент;

²Зыза Алина Сергеевна - студент,

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»,
г. Армавир

Аннотация: в статье рассматриваются универсальные и национально-специфические характеристики виртуальной коммуникации на материале русского и английского языков в рамках лингвопрагматического подхода. Анализируются общие черты, присущие виртуальной коммуникации независимо от языка и культуры, такие как опосредованность, дистантность, анонимность, интерактивность и стремление к экономии речевых средств.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, лингвопрагматика, универсальные характеристики, национально-специфические особенности, русский язык, английский.

UNIVERSAL AND NATIONAL-SPECIFIC CHARACTERISTICS OF VIRTUAL COMMUNICATION: LINGUISTIC AND PRAGMATIC ANALYSIS

Khanjyan D.D.¹, Zyza A.S.²

¹Khanjyan Diana Davidovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor;

²Zyza Alina Sergeevna - student,

ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY,
ARMAVIR

Abstract: The article examines the universal and nationally specific characteristics of virtual communication based on the material of the Russian and English languages within the framework of a linguistic pragmatic approach. The article analyzes the common features inherent in virtual communication regardless of language and culture, such as mediation, remoteness, anonymity, interactivity and the desire to save speech resources.

Keywords: virtual communication, linguistic pragmatics, universal characteristics, national specific features, Russian language, English.

Современные телекоммуникационные технологии, прежде всего Интернет, стали одним из значимых факторов развития мирового сообщества, оказывая воздействие на политическую, экономическую, общественную и социокультурную сферы. Процесс виртуализации породил киберпространство, разделившее реальность на объективную (ограниченную) и виртуальную (неограниченную ничем, кроме несовершенства технологий или воображения). Под «виртуальной реальностью» понимается реальность, отличная от материального мира, основанная на мыслях, образах и информации.

Виртуальная коммуникация — общение с удалённым партнёром, опосредованное компьютером. В лингвистике Интернет — особая сфера, где преломляются черты устной и письменной речи, а также жанрово-стилистические образцы. Язык Интернета не подчиняется строгой кодификации; появились свои этикетные требования (англ. *netiquette* и рус. *сетикет*).

Независимо от языка и культуры, виртуальная коммуникация обладает общими признаками: опосредованность, дистантность, интерактивность, глобальный межкультурный характер, анонимность, конструирование идентичности, отсутствие жёсткой иерархии, маргинализация и карнавализация процессов.

Эти признаки определяют специфику языка в сети. Ключевой универсальный принцип — экономия речевых и мыслительных усилий, проявляющаяся в аббревиатурах, акронимах, сокращениях и упрощении синтаксиса.

Универсальность виртуальной коммуникации видна и в речевых актах. Исследования императивных речевых актов в русском и английском интернет-дискурсе показывают многообразие средств выражения побуждения. Универсально и использование эмодзи для компенсации отсутствия невербальных средств.

При всех универсальных чертах виртуальная коммуникация в каждом языковом сообществе приобретает национально-культурные особенности, обусловленные языковыми законами и экстралингвистическими факторами (культурные традиции, социальные нормы, менталитет).

Лексические особенности. Одной из наиболее заметных национально-специфических черт является разница в объёме и структуре компьютерного жаргона. Английский язык, будучи языком источником большинства компьютерных технологий, обладает богатой и устоявшейся жаргонной системой, многие элементы которой перешли в разряд общепотребительной лексики. Русскоязычный компьютерный жаргон, напротив, в значительной степени является вторичным и формируется тремя основными путями: калькированием (например, «жёсткий диск» от hard drive), транслитерацией (например, «юзер» от user) и использованием метафор и иронии (например, «мыло» для e mail, «винт» для жесткого диска). Для русского компьютерного жаргона особенно характерна языковая игра и эсхрофемизация (намеренное снижение, огрубление) англоязычной терминологии.

Графическое оформление и невербальные средства. В англоязычном сегменте интернета сложились более формализованные правила сетевого этикета, зафиксированные в многочисленных пособиях и руководствах. Рунет, напротив, во многом лингвистически стихийен и представляет собой «полигон» языкотворчества, где динамика развития русского языка проявляется особенно ярко. Национальная специфика прослеживается и в использовании эмодзи: в русскоязычных сообщениях смайлики чаще передаются с использованием знаков пунктуации, характерных для кириллицы, что создаёт особую графическую картину текста.

Прагматические различия. Сопоставительный анализ англоязычной и русскоязычной интернет коммуникации показывает расхождения в использовании речевых актов побуждения. Количественная представленность императивных речевых актов в русских и английских интернет комментариях и ток шоу различается, и эти различия коррелируют с национально культурными традициями говорящих (пишущих). Например, в русскоязычной среде может преобладать более прямой способ выражения несогласия, тогда как в англоязычной — более вежливые, косвенные формы. Конфликтогенные и синтонные коммуникативные стратегии также варьируются в зависимости от лингвокультуры, что свидетельствует о глубокой укоренённости прагматических предпочтений в национальных традициях общения.

Таким образом, универсальные и национально-специфические характеристики находятся в диалектическом единстве. Техническая природа интернета порождает общие закономерности (экономия, анонимность, дистантность), но каждый национальный сегмент интерпретирует их по-своему. Англоязычная коммуникация: более высокая формализация, развитая жаргонная система, опора на косвенные речевые акты. Русскоязычная: стихийность, языковая игра, ирония, снижение стиля, прямой характер несогласия и побуждения. Лингвопрагматический подход показывает, как глобальные технологические процессы, накладываясь на культурные

традиции, формируют уникальные языковые практики. Понимание различий необходимо для эффективной межкультурной интернет-коммуникации.

Список литературы / References

1. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Национально-маркированное речевое поведение современной языковой личности: коммуникативно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков) // Проблемы современной науки и образования, 2026.
2. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Роль обучения лингвострановедческому аспекту в средней школе // Проблемы педагогики, 2026.
3. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. The history of textual practices, hermeneutics and philology: from the art of interpretation to the science of understanding // European science, 2026.
4. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Концепт «дом» в русской и английской языковых картинах мира // International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education, 2026.
5. Апетян М.К. Особенности виртуальной коммуникации / М.К. Апетян. // Молодой ученый. — 2015. — № 3 (83). — С. 939-941.

АНТРОПОМОРФНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КРАСОТЫ ПОСРЕДСТВОМ ЗООНИМОВ

Абатбаева Н.

*Абатбаева Нурсулыу - магистрант
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
г. Нукус, Республика Узбекистан*

***Аннотация:** в исследовании раскрываются семантические и прагматические особенности метафорических единиц, сформированных на основе наименований животных, в выражении внешней и внутренней красоты человека. Обосновывается национально-культурная коннотативность зоонимов и их неразрывная связь с эстетическими представлениями носителей языка. Кроме того, в статье феномен антропоморфизма рассматривается в рамках когнитивной лингвистики, выявляются механизмы концептуального сопоставления человека и природы.*

***Ключевые слова:** зооним, антропоморфизм, концептуализация, концепт красоты, метафора, когнитивная лингвистика, семантика, лингвокультура, образность, язык и мышление.*

ANTHROPOMORPHIC CONCEPTUALIZATION OF BEAUTY THROUGH ZOONYMS

Abatbaeva N.

*Abatbaeva Nursuliy - Master's Student,
KARAKALPAK STATE UNIVERSITY NAMED AFTER BERDAKH
NUKUS, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

***Abstract:** The study reveals the semantic and pragmatic features of metaphorical units formed on the basis of animal names in expressing both the external and internal beauty of a person. It substantiates the national and cultural connotations of zoonyms and their intrinsic connection with the aesthetic perceptions of language speakers. Furthermore, the*

phenomenon of anthropomorphism is examined within the framework of cognitive linguistics, identifying the mechanisms of conceptual mapping between humans and nature.

Keywords: *zoonym, anthropomorphism, conceptualization, concept of beauty, metaphor, cognitive linguistics, semantics, linguoculture, imagery, language and thought.*

Антропоморфизм – это широко используемое понятие в когнитивной лингвистике, в котором внешний вид человека, его поведение и духовные качества выражаются через других существ, в частности, через животных и природные явления. В этом случае через языковые единицы человеческие качества переносятся на другие объекты, и в результате возникает концептуальный портрет. В выражении концепта красоты антропоморфная концептуализация осуществляется через зоонимы, которые служат для образного и выразительного отражения эстетических черт человека. Хотя концепция красоты в языке каракалпакских народных эпосов выражается различными художественными средствами, среди них особое место занимают зоонимы.

Зоонимы – это лексические единицы, обозначающие названия животных, которые часто используются в литературных произведениях в метафорическом и эпитетическом значениях, служа для выражения внешних и внутренних качеств человека. В частности, зоонимы играют важную семантическую роль в изображении человеческой внешности, в частности, лица, глаз, цвета кожи и красоты в целом.

Красота, выраженная через зоонимы, отражает эстетические понятия, ценности и уровень национального мышления народа. В ходе этого процесса признаки, характерные для животных, переносятся на облик человека, и в результате формируются уникальные лингвокультурологические образы. В этом отношении зоонимы выступают не только как средство изображения, но и как важная концептуальная единица, участвующая в формировании концепта красоты.

В нашей работе, основываясь на материалах каракалпакских народных эпосов, мы проанализировали особенности выражения красоты через ряд зоонимов, таких как кой, кундыз, бота, кийик, коян (овца, бобр и верблюжонок, олень и заяц) и попытались раскрыть их семантические, образные и лингвокультурологические функции.

В каракалпакских народных эпосах концепт красоты часто выражается через зоонимы, усиленные образно и эмоционально. Зоонимы, такие как кой, кундыз, бота, кийик, коян часто используются для описания внешности человека, в частности, глаз, лица, черты лица и красоты в целом. Эти зоонимы с лингвокультурологической точки зрения являются одним из важных инструментов, отражающих эстетический идеал народа.

Прежде всего, необходимо остановиться на зоониме овец. Строение “кой көзли” сформированное на основе этого зоонима, очень часто встречается в текстах дастанов. *“Койкөзли жигит бармекен” (Бозжигит); Энжим алдына қараса сақалы жоқ, мурты жоқ, буұдай рең, қой көзли, ырақнай дилли, бал сөзли, өзи хоширей нур жүзли бир қыз паишаны көрди. (Шәрияр) ...буұдай ирең, қой көзли, ырақнай жанлы, нур жүзли бир нашар адамды көрди. (Шәрияр) Нур жүзли, қой көзли, әреби атлы, Әлийдей сиясатлы жигит. (Курбанбек).*

В приведенных выше примерах эта единица выражает нежность, безбидность и открытость человеческого глаза. Здесь зооним используется метафорически, перенося признаки спокойствия и чистоты, свойственные овцам, на облик человека. В результате красота проявляется не только как внешний вид, но и как концепт, связанный с внутренней красотой и мягкостью. Таким образом, лексема “кой көзли” также воплощает в себе этико-эстетический компонент красоты.

Зооним “кундыз” (бобр) однако, участвует в создании еще более сложного и многослойного образа в эпосах. Например, *Тереңнен шыққан кундыздай, Ерте тұуып, кеш батқан, Өмири зая жулдыздай (Қырқ қыз) – Атқа бир тартқан андызым*

Маңлайымда қундызым (Алпамыс) Айналайын андызым, Маңлайымда қундызым (Алпамыс).

В этих строках основную семантическую нагрузку образа бобра составляют его редкость, ценная шкура и скрытая жизнь, связанная с водой. Через этот зооним красота интерпретируется как редкое, скрытое очарование и очень ценное существо. В частности, в таких выражениях, как “маңлайымдағы қундызым” (бобр на моём лбу) метафора зоонима объединяет значения ласки, привязанности и эстетической ценности. Поэтому зооним “қундыз” усиливает красоту не только визуально, но и аффективно (чувственно). Можно привести множество примеров выражения красоты в отношении зоонима “қундиз”: *Хәсен ханның жалғызы, Маңлайында жулдызы, Суў түбинде қундызы (Ер Зийўар) Аңлай-аңлай қараса, Тереңнен шыққан қундыздай, Көздери бар гәўхардай (Қырқ қыз) Аспанда ай хәм жулдызым, Суў түбинде қундызым (Ер Зийўар).*

В каракалпакских народных эпосах словосочетание “бота көзли”, образованное на основе зоонима “бота”, используется как одна из самых активных единиц для выражения красоты глаз: *Бота көзли Бозжигит, Бул үйинде жоқ шығар (Бозжигит) Бой жеткен бул ботакөз, Омырауда мойны гез, Лебине шекер, пал қойған (Шәрияр) Қара қаслы бота көз Сүмбил шашлы, жарқын жуз (Ер Зийўар) Мақсым атлы сарбиназ Он төрт жасар ботакөз (Курбанбек).*

Большие, влажные и печальные глаза верблюжонка сложились в глазах народа как важный показатель красоты. Поэтому этот зооним выражает большие размеры, ясность и привлекательность глаз. В этом случае метафорический перенос возникает на основе визуального сходства и усиливает эстетико-перцептивную сторону красоты.

Таким образом, концепт красоты, выраженный через зоонимы кой, қундыз, бота (овца, бобр и верблюжонок), состоит из нескольких семантических слоев, таких как внешний вид (глаз, лицо, цвет), внутренние качества (мягкость, чистота), ценность и редкость (через ценные образы) и эмоциональная оценка (выражение ласки).

С этой точки зрения, зоонимы в каракалпакских народных эпосах не только служат простым сравнительным средством в изображении красоты, но и служат важными лингвокультурологическими единицами, воплощающими эстетический идеал и культурные ценности народа.

В народных эпосах иногда используются зоонимы, такие как кийик и қоян (олень и заяц), для описания красоты. *...хеш кемис таппадым қәдди-бойында, Кийиктей секирер, қоянша бардур (Юсуп Ахмет).*

В этом примере с помощью зоонимов отражена динамическая сторона красоты. Зоонимы олень и кролик используются как средство сравнения, служа для изображения тонкости человеческой осанки и лёгкости движений.

В частности, в словосочетании “кийиктей секирер” (прыгает, как олень) наблюдается перенос свойственных оленю скорости и тонких движений в человеческий образ. Образ оленя в народном понимании часто ассоциируется с красотой, изяществом и естественной привлекательностью. Это сравнение подчёркивает физическую зрелость и эстетическую привлекательность героя. В выражении “қоянша бардур” (как у кролика) проявляются признаки кроличьей ловкости, лёгкости движений и природной хрупкости.

Эти зоонимы выражают красоту не только статически (внешний вид), но и динамически (действие, поведение). В результате понятие красоты расширяется и развивается как сложное явление, охватывающее не только осанку человека, но и его динамику.

Согласно нашему анализу, выражение концепции красоты через зоонимы в каракалпакских народных эпосах можно отметить как многогранную и сложную семантическую структуру. В частности, зоонимы “қой”, “қундыз”, “бота” (овца, бородача и бота) наряду с описанием внешнего вида человека, также включают в себя присущие ему внутренние качества и эмоциональную оценку.

Словосочетание “Қойкөзли” связывает красоту с мягкостью, кротостью и чистотой, в то время как словосочетание “бота көзли” подчёркивает большие, влажные и привлекательные глаза. Зооним “қундыз” объясняет красоту на более высоком уровне – как символ редкости, ценности и скрытой привлекательности. В результате, благодаря этим зоонимам, красота приобретает не только визуально-эстетическое явление, но и эмоциональное и аксиологическое (ценностное) значение.

Таким образом, зоонимы являются важным лингвистическим средством выражения красоты в каракалпакском устном народном творчестве, отражая эстетические взгляды народа, образ идеального человека и культурные ценности. Это подтверждает, что зоонимы являются не просто лексическими единицами, но и концептуальным инструментом, имеющим лингвокультурологическое значение.

Список литературы / References

1. *Абдиназимов Ш.* Лингвопозитика (оқыў қолланба). – Тошкент: Ёшлар нашриёти, 2020. – 152 б.
2. *Абатбаева Н.* Концепт, как объект современных лингвистических исследований. Вестник науки и образования. 2025. №9(164) Часть 2.
3. *Абатбаева Н.* Метафорическое моделирование концепта “красота” с помощью фитонима “алма” (яблоко). International scientific review. 2026, май.
4. *Бойматова Н.К.* Семантическое поле концепта «Красота» в таджикской и английской лингвокультурах: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Душанбе, 2019. – 22 с.
5. *Окунева И.О.* Концепт «Красота» в русском и английском языках: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 25 с.
6. *Сафаров Ш.* Когнитив тилшунослик. –Жиззах: Сангзор, 2006.–926.

ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ

Жарбулова С.Т.¹, Куанышбеккызы А.², Нурманова Г.Б.³

¹Жарбулова Сауле Траровна - кандидат педагогических наук, руководитель ОП «Русский язык и литература»,

²Куанышбеккызы Айшырак – магистрант,

³Нурманова Гайни Бакыткызы – магистрант,
кафедра русского языка и литературы
Кызылординский университет имени Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Республика Казахстан

Аннотация: в статье рассматривается влияние билингвальной среды на формирование речевой культуры учащихся. Анализируются особенности языкового развития школьников в условиях двуязычия, раскрываются положительные и отрицательные стороны билингвизма. Особое внимание уделяется явлениям интерференции и код-свитчинга, а также роли образовательной среды в формировании языковой личности. Делается вывод о необходимости целенаправленной педагогической работы по развитию речевой культуры учащихся.

Ключевые слова: билингвизм, речевая культура, языковая личность, языковая среда, коммуникативная компетенция, образование.

THE INFLUENCE OF THE BILINGUAL ENVIRONMENT ON THE FORMATION OF STUDENTS' SPEECH CULTURE

Zharbulova S.T.¹, Kuanyshebekkyzy A.², Nurmanova G.B.³

¹Zharbulova Saule Traarova - Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the OP "Russian Language and Literature",

²Kuanyshebekkyzy Aishyrak – Master's student,

³Nurmanova Gaini Bakytkyzy – Master's student,
DEPARTMENT OF RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE
KORKYT ATA KYZYLORDA UNIVERSITY,
KYZYLORDA, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: the article examines the influence of the bilingual environment on the formation of students' speech culture. The article analyzes the peculiarities of language development of schoolchildren in the context of bilingualism, reveals the positive and negative sides of bilingualism. Special attention is paid to the phenomena of interference and code-switching, as well as the role of the educational environment in the formation of linguistic personality. The conclusion is made about the need for purposeful pedagogical work on the development of students' speech culture.

Keywords: bilingualism, speech culture, linguistic personality, linguistic environment, communicative competence, education.

Современное общество характеризуется активными процессами глобализации и межкультурного взаимодействия, что обуславливает широкое распространение билингвизма. Особенно актуально данное явление для Казахстана, где функционируют казахский и русский языки, а также реализуется политика трёхязычного образования. В этих условиях формирование речевой культуры учащихся становится одной из ключевых задач современной педагогики и лингвистики.

Речевая культура представляет собой совокупность навыков правильного, уместного и выразительного использования языковых средств в различных коммуникативных ситуациях. В условиях билингвальной среды данный процесс усложняется, поскольку учащиеся находятся под постоянным влиянием двух языковых систем. Это приводит к специфическим особенностям речевого развития, которые требуют научного осмысления и педагогической коррекции.

Билингвальная среда предполагает регулярное использование двух языков в повседневной жизни. Для многих учащихся один язык является языком семейного общения, а другой — языком обучения и социальной коммуникации. Такое взаимодействие языков способствует расширению когнитивных возможностей, развитию гибкости мышления и формированию способности к межкультурной коммуникации. Учащиеся, владеющие двумя языками, как правило, обладают более широким словарным запасом и способны адаптировать свою речь в зависимости от коммуникативной ситуации.

Вместе с тем билингвизм оказывает и определённое негативное влияние на формирование речевой культуры. Одним из наиболее распространённых явлений является интерференция — влияние одного языка на другой, проявляющееся в нарушении норм произношения, грамматики и лексики. Учащиеся могут переносить языковые конструкции из одного языка в другой, что приводит к ошибкам и снижению уровня речевой грамотности. Кроме того, в билингвальной среде широко распространён код-свитчинг — переключение с одного языка на другой в процессе общения. Данное явление обусловлено как недостаточным уровнем владения одним из языков, так и особенностями коммуникативной ситуации. Хотя код-свитчинг является естественным механизмом билингвальной коммуникации, его чрезмерное использование может препятствовать формированию устойчивых навыков грамотной речи.

Особую роль в формировании речевой культуры учащихся играет образовательная среда. Именно школа становится пространством, в котором происходит систематическое освоение норм литературного языка и развитие коммуникативной компетенции. В условиях билингвизма учителю необходимо учитывать особенности языкового опыта учащихся, выявлять типичные ошибки, связанные с интерференцией, и проводить целенаправленную работу по их коррекции. Важным аспектом является формирование языкового сознания, то есть осознанного отношения к языку как к системе норм и средств общения.

Эффективная педагогическая деятельность в билингвальной среде предполагает использование разнообразных методов и приёмов, направленных на развитие речевой культуры. К ним относятся работа с текстами, речевые упражнения, анализ языковых ошибок, коммуникативные задания и игровые технологии. Особое значение имеет создание речевой среды, способствующей активному использованию изучаемого языка в различных ситуациях общения. Это позволяет учащимся не только усваивать языковые нормы, но и применять их на практике.

Таким образом, билингвальная среда оказывает многогранное влияние на формирование речевой культуры учащихся. С одной стороны, она способствует развитию когнитивных и коммуникативных способностей, с другой — создаёт определённые трудности, связанные с интерференцией и смешением языков. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема организации эффективного педагогического процесса, направленного на формирование языковой личности, способной к грамотному и уместному использованию языковых средств в различных коммуникативных ситуациях.

Список литературы / References

1. *Sadulova Z., Karimsakova B., Yessenova K. и др.* Bilingualism and Multilingualism in Kazakhstan: Sociolinguistic and Educational Perspectives // Forum for Linguistic Studies. — 2025. — №7(7). — С. 785–795.
2. *Kolmykova Y.S.* Invisible bilinguals: methodological aspects of statistical assessment of the bilingual population of the Republic of Kazakhstan // Vestnik Samara University. — 2025. — Т.31, №3. — С. 175–181.
3. *Кучуков Н., Фазылжанова А., Абаяева М. и др.* From Russian monolingualism to Kazakh bilingualism: narratives and theory of mind // Intercultural Education. — 2025.
4. *Sarmurzin Y., Amanzhol N., Toleubayeva K. и др.* Challenging aspects of Kazakhstan's trilingual education policy // Asia Pacific Education Review. — 2024.

ИИ В ОБРАЗОВАНИИ: СТРАТЕГИЯ ЭТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Жарбулова С.Т.¹, Темирхан М.²

¹*Жарбулова Сауле Траровна – кандидат педагогических наук, руководитель ОП «Русский язык и литература»;*

²*Темирхан Мадина – учитель русского языка и литературы
Школа-лицей №101 имени Али Муслимова,
магистрант,*

*Кызылординский университет имени Коркыт Ата
г. Кызылорда, Республика Казахстан*

Аннотация: в статье рассматривается практическое применение «Кодекса использования ИИ в образовательной среде». Основное внимание уделено стратегии поведения преподавателя при работе со студентами, активно использующими генеративные языковые модели. Автор предлагает отойти от политики запретов в пользу концепции «контролируемого соавторства». В основной части приведены конкретные методы модификации заданий и внедрения этических деклараций.

Ключевые слова: искусственный интеллект, педагогическая этика, высшее образование, филология, академическая честность, промпт-инжиниринг.

AI IN EDUCATION: A STRATEGY FOR ETHICAL INTERACTION Zharbulova S.T.¹, Temirkhan M.²

¹*Zharbulova Saule Trarovna – candidate of pedagogical sciences, head of the educational program
"Russian language and literature";*

²*Temirkhan Madina – teacher of Russian language and literature,
SCHOOL-LYCEUM №101 NAMED AFTER ALI MUSLIMOV,
master's student*

*KORKYT ATA KYZYLORDA UNIVERSITY,
KYZYLORDA, REPUBLIC OF KYRGYZSTAN*

Abstract: the article examines the practical application of the "Code of AI Use in the Educational Environment." The main focus is on the teacher's behavior strategy when working with students who actively use generative language models. The author suggests moving away from the policy of prohibitions in favor of the concept of "controlled co-authorship." The main part provides specific methods for modifying assignments and implementing ethical declarations.

Keywords: *artificial intelligence, pedagogical ethics, higher education, philology, academic integrity, prompt engineering.*

Введение

С появлением ChatGPT и аналогичных моделей традиционные методы контроля знаний (рефераты, эссе, домашние сочинения) утратили свою репрезентативность. Для преподавателя-филолога это вызов двойной сложности: ИИ имитирует именно человеческий стиль письма. Решением является внедрение разработанного **Кодекса использования ИИ**, который меняет роль преподавателя с «контролера» на «модератора технологического процесса».

Основная часть: Советы и стратегии для преподавателя

1. Переход к «Декларации прозрачности»

Первый совет Кодекса — легализация. Вместо того чтобы пытаться уличить студента в использовании ИИ (что технически сложно из-за несовершенства детекторов), преподавателю следует внедрить обязательную форму отчетности.

Пример: При сдаче эссе по литературе студент обязан приложить «Приложение об ИИ», где указывает: какой чат-бот использовался, какой был основной запрос (промпт) и какие правки внес сам студент. Если ИИ не использовался, ставится отметка «0%». Это формирует этическую ответственность.

2. Модификация заданий: от «результата» к «процессу»

Кодекс рекомендует смещать акцент с итогового текста на процесс его создания. Если студент использует ИИ, его работа должна усложняться аналитическим компонентом.

Пример (задание по филологии):

Старое задание: «Напишите анализ образа Печорина». (Студент сгенерирует это за 10 секунд).

Новое задание (по Кодексу): «Сгенерируйте с помощью ИИ три варианта интерпретации образа Печорина. Сравните их, найдите фактические ошибки нейросети и напишите критический комментарий, используя цитаты из текста романа, которые ИИ проигнорировал».

3. Метод «Живой верификации»

Преподавателю рекомендуется использовать ИИ прямо в аудитории для развития критического мышления студентов. Это нивелирует ореол «всезнания» машины.

Пример: Преподаватель просит ИИ составить план урока по «Медному всаднику». Вместе со студентами они разбирают, где ИИ выдал шаблонные фразы, а где искажил исторический контекст. Это учит студентов не доверять ИИ слепо.

4. Оценка по критерию «Добавленная ценность»

Если в работе виден след ИИ, преподаватель оценивает не сам текст, а то, как студент его обработал. В Кодексе это называется «интеллектуальным вкладом». Если студент просто скопировал ответ — работа не принимается. Если студент использовал ИИ как базу для глубокого исследования — ставится высокий балл.

Заключение

Преподавателю сегодня бессмысленно вступать в «гонку вооружений» с нейросетями. Единственный продуктивный путь — внедрение этических регламентов. Кодекс использования ИИ позволяет превратить потенциальный инструмент для обмана в мощный тренажер для развития навыков верификации, анализа и редактирования.

Главный совет педагогу: сделайте ИИ объектом исследования, а не средством выполнения.

Список литературы / References

1. Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024 - 2029 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан // adilet.zan.kz. (Дата обращения: 03.05.2026).
2. Сидоренко А. Цифровая этика и академическая честность в эпоху ИИ // Вестник современного образования, 2020. — С. 45–52.
3. UNESCO. Guidance for generative AI in education and research, 2024. [Электронный ресурс] // unesdoc.unesco.org. — С. 12–25 (раздел об этических принципах для учителей).
4. Власова Е.А. Этические стандарты использования ИИ в филологии. — М., 2021. — С. 110–118.
5. OECD. Artificial Intelligence and the Future of Education// oecd.org. — Раздел: "Redefining the role of the educator".

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF TEACHERS IN MONGOLIA

Nandintsetseg Sh.¹, Ariunaa N.²

¹Nandintsetseg Shurentsetseg - Senior lecturer,

²Ariunaa Nyamsuren - Senior lecturer,
DEPARTMENT OF FOREIGN LANGUAGES,
MANDAKH UNIVERSITY,
ULANBAATAR, MONGOLIA

Abstract: This study aimed to examine the psychological well-being of teachers in primary, secondary, and tertiary education in Mongolia, focusing on depression, anxiety, and stress using the Depression, Anxiety, and Stress Scales (DASS-21). A total of 145 teachers participated, and data were collected via Google Form and analyzed using SPSS 21, including reliability, correlation, regression, and factor analyses. Reliability analysis showed high internal consistency for depression ($\alpha = 0.912$), anxiety ($\alpha = 0.950$), and stress ($\alpha = 0.933$). Correlation results showed strong positive relationships among depression, anxiety, and stress ($r = 0.771-0.833$, $p < 0.001$). Regression analysis revealed that two independent variables explained 71.7% of the variance in teachers' psychological health ($R = 0.847$, $F(2,142) = 179.849$, $p < 0.001$). The findings illustrate that anxiety levels were relatively higher, and psychological factors were interrelated, with increases in one factor associated with increases in others. The study approves the reliability of DASS-21 for assessing teachers' mental health and provides evidence for developing policies and interventions to support teachers' psychological well-being.

Keywords: depression, anxiety, stress, teacher, DASS-21.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ УЧИТЕЛЕЙ В МОНГОЛИИ

Нандинтсецег Ш.¹, Ариунаа Н.²

¹Нандинтсецег Шурентсецег - старший преподаватель,

²Ариунаа Нямсүрен - старший преподаватель,
кафедра иностранных языков,
Мандахский университет,
г. Улан-Батар, Монголия

Аннотация: целью данного исследования было изучение психологического благополучия учителей начального, среднего и высшего образования в Монголии с акцентом на депрессию, тревогу и стресс с использованием Шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). В исследовании приняли участие 145 учителей, данные были собраны с помощью Google Forms и проанализированы с использованием SPSS 21, включая анализ надежности, корреляционный анализ, регрессионный анализ и факторный анализ. Анализ надежности показал высокую внутреннюю согласованность для депрессии ($\alpha = 0,912$), тревожности ($\alpha = 0,950$) и стресса ($\alpha = 0,933$). Результаты корреляционного анализа показали сильные положительные взаимосвязи между депрессией, тревожностью и стрессом ($r = 0,771-0,833$, $p < 0,001$). Регрессионный анализ показал, что две независимые переменные объясняют 71,7% дисперсии психологического здоровья учителей ($R = 0,847$, $F(2,142) = 179,849$, $p < 0,001$). Результаты показывают, что уровни тревожности были относительно выше, а психологические факторы были взаимосвязаны, причем увеличение одного фактора ассоциировалось с увеличением других. Исследование подтверждает надежность DASS-21 для оценки психического здоровья учителей и предоставляет доказательства для разработки политики и мер по поддержке психологического благополучия учителей.

Ключевые слова: депрессия, тревожность, стресс, учитель, DASS-21.

INTRODUCTION

Mental health is widely acknowledged as a critical factor of an individual's entire quality of life and physical well-being [1]. Depression, anxiety, and stress are the most common psychological disorders, and current global trends show that their prevalence is increasing [2]. Following the COVID-19 pandemic in 2020, the World Health Organization recorded a 25% rise in individuals suffering from depression and anxiety worldwide, reaching over one billion people [3].

Approximately 5% of the adult population suffers from depression, which is often characterised by persistent sorrow and a diminished capacity to experience pleasure [4]. Depression has been related to an increased risk of cardiovascular and respiratory disorders, among other health issues.

Anxiety is a relatively independent and pervasive condition characterized by persistent, vague worries. Symptoms commonly include restlessness, fatigue, reduced attention, irritability, and muscle tension, all of which can negatively impact daily functioning and social interactions [5].

Stress, although a normal physiological response, can have detrimental effects when prolonged or inadequately managed, contributing to physical conditions such as heart disease, hypertension, and diabetes, as well as psychological disorders like depression and anxiety. Consequently, chronic stress can substantially impair quality of life, work productivity, and daily functioning [6].

Research Objective: The purpose of this study is to assess teachers' mental health using the Depression, Anxiety, and Stress Scales (DASS-21), evaluating levels of depression, anxiety, and stress, and to examine the relationships among these indicators.

Rationale of the Study: Teachers play a pivotal role in education and social development. Their psychological well-being not only affects their personal health but also directly influences teaching quality, student outcomes, and the learning environment. Promoting employee well-being has become a key organizational policy in line with the United Nations Sustainable Development Goals and Environmental, Social, and Governance (ESG) principles. In Mongolia, however, research examining the prevalence of depression, anxiety, and stress among teachers, particularly in relation to the unique demands of their profession, is limited. Few studies have directly assessed teachers' mental health in this context. This study aims to address this gap by using the DASS-21 scale to measure levels of depression, anxiety, and

stress among teachers, thereby providing an evidence-based foundation for developing interventions and policies to support their psychological well-being.

Literature review: Several studies around the world have examined teachers' mental health using the DASS-21 scale. For example, a study conducted in China with 9,030 primary and secondary school teachers applied the DASS-21 to assess their psychological well-being, and validated its reliability as a tool for measuring teachers' mental health [7]. Furthermore, findings from a comparative study involving teachers in Spain and China indicated that the DASS-21 exhibits strong suitability and reliability for evaluating mental health across diverse educational and cultural settings [8]. Additionally, research carried out in Chile revealed that a subset of teachers experienced above-normal levels of depression, anxiety, and stress, indicating a heightened risk for psychological distress within this population [9].

In Mongolia, however, research specifically focused on teachers' mental health is scarce. Existing studies have examined the general population's psychological well-being [10] and assessed the mental health of healthcare workers using the DASS-21 scale during the peak of the COVID-19 pandemic [11]. Nonetheless, systematic research targeting teachers remains limited. This overview of existing research highlights the international evidence supporting the reliability and utility of the DASS-21, while also identifying a clear scholarly gap in the study of teachers' mental health in Mongolia.

Research methodology: This study evaluated teachers' mental health by measuring stress, anxiety, and depression levels using the 21-item Depression, Anxiety, and Stress Scale (DASS-21). The sample comprised 145 teachers from primary, secondary, and tertiary educational institutions, selected using a convenience sampling method through an online survey administered via Google Forms. Participants responded to all items on a 4-point Likert scale (0–3), and the data were analyzed using SPSS 21, including reliability assessment, hypothesis testing, correlation analysis, and regression analysis. The findings were subsequently synthesized to provide insights into the psychological well-being of the teachers surveyed.

Hypotheses

- **H1:** Teachers' psychological well-being is related to teaching experience in years.
- **H2:** Teachers are most vulnerable to anxiety.

THEORETICAL FRAMEWORK

Multiple studies have noted that the teaching profession is associated with comparatively higher levels of occupational stress than many other professions [12]. According to the World Health Organization, stress is defined as “a state of mental or emotional strain resulting from adverse or demanding circumstances,” depression as “a prolonged period of low mood or a loss of interest or pleasure in normally enjoyable activities,” and anxiety disorders as “psychological states characterized by excessive fear or worry.” For teachers, these conditions can be exacerbated by the demands of their work and the school environment, increasing the risk of both psychological and physical distress and heightening vulnerability to mental health disorders.

Teachers' mental health is influenced by a multitude of factors, such as workload, class size, compensation and incentives, working conditions, access to teaching resources, technological proficiency, variations in student performance, interactions with parents, school administration, and policy support from government authorities. Elevated stress levels among teachers can directly impair work efficiency, the quality of teaching, student achievement, and the learning environment. In addition, stress adversely impacts both the psychological and physical well-being of teachers, and can precipitate negative mental health outcomes, including anxiety and depression, which in turn compromise daily task performance and overall occupational efficiency [13]. In a meta-analytic study, Montgomery and Rupp highlighted that stress is closely associated with teachers' emotional responses and can increase the risk of negative psychological outcomes, including anxiety, worry, and depression [14]. Additionally, research by Stapleton, Garby, and Sabot (2020) indicated that prevalent psychological conditions among teachers may result in diminished occupational and life satisfaction, increased burnout, and, in some cases,

decisions to change or leave their employment [15]. Furthermore, research by Richards, Hemphill, and Templin (2018) demonstrated that, for teachers actively engaged in their professional duties, these psychological conditions adversely affect both work motivation and teaching performance [16].

One of the widely used instruments for assessing mental health globally is the **Depression Anxiety Stress Scales-21 (DASS-21)**. This questionnaire allows for the separate evaluation of three core dimensions—depression, anxiety, and stress. It is brief, easy to administer, reliable, and considered a factor-based assessment tool [7]. The study employed the DASS-21 instrument to assess 145 teachers from primary, secondary, and tertiary educational institutions. Data were collected via Google Forms and analyzed using statistical software. The questionnaire consists of 21 items distributed across three subscales: depression, anxiety, and stress, with each item rated on a 4-point Likert scale from 0 (did not apply to me at all) to 3 (applied to me very much or most of the time).

RESEARCH SECTION

The purpose of this study was to evaluate the psychological well-being of teachers in Mongolia by examining their levels of depression, anxiety, and stress, as well as to explore how these factors are interrelated. The study involved 145 teachers working in primary, secondary, and higher education institutions, and the data were analyzed using SPSS. Descriptive analysis of participants' demographic information, calculation of mean scores and standard deviations, reliability evaluation, sample adequacy assessment, and analyses including correlation, factor analysis, and regression were included in the data analysis.

Table 1. Demographic variables of the participants.

Variable		Frequency	Percentage
Gender:	Male	23	15.9%
	Female	122	84.1%
Age:	20-29	27	18.7%
	30-39	49	33.8%
	40-49	44	30.3%
	50-above	25	17.2%
Working educational institution:	Higher education	32	22.1%
	Secondary education	113	77.9%
Teaching experience in years:	1-5	35	24.1%
	6-10	21	14.5%
	11-15	21	14.5%
	16-20	16	11%
	21-25	30	20%
	26+	22	15.2%

As shown in Table 1, the majority (84.1%) of the total 145 participants were female. The largest age group was 30-39 years (33.8%), followed by the 40-49 years age group (30.3%). Most respondents were employed in secondary education (77.9%), while 22.1% worked in higher education institutions. In terms of teaching experience, the highest proportions were observed among those with 1–5 years (24.1%) and 21–25 years (20%) of experience.

Table 2. Levels of depression, anxiety, and stress in teachers.

<i>Variable</i>		<i>Frequency</i>	<i>Percentage</i>
<i>Depression</i>	Normal	83	57.2
	Mild	20	13.8
	Moderate	28	19.3
	Severe	3	2.1
	Extremely severe	11	7.6
<i>Anxiety</i>	Normal	81	55.9
	Mild	6	4.1
	Moderate	33	22.8
	Severe	8	5.5
	Extremely severe	17	11.7
<i>Stress</i>	Normal	96	66.2
	Mild	15	10.3
	Moderate	16	11.0
	Severe	12	8.2
	Extremely severe	6	4.1

The findings indicate that, although the majority of teachers reported normal levels of depression (57.2%), a considerable proportion exhibited a total amount of 29% including moderate (19.3%), severe (2.1%), and extremely severe levels (7.6%), which may be considered a matter of concern. Similarly, while normal anxiety levels were predominant (55.9%), a substantial percentage of participants experienced moderate to extremely severe anxiety (40%), suggesting a relatively high prevalence. In contrast, stress levels were generally lower, with 66.2% of participants falling within the normal range, and the remaining participants distributed across higher (23.3%).

Overall, anxiety appears to be the most prominent psychological concern among Mongolian teachers.

1. Reliability analysis

The coefficient for the depression scale was 0.912, which indicates excellent reliability.

Reliability Statistics	
Cronbach's Alpha	N of Items
.912	7

Table 3. Reliability for Depression Level.

Item-Total Statistics				
	Scale Mean if Item Deleted	Scale Variance if Item Deleted	Corrected Item-Total Correlation	Cronbach's Alpha if Item Deleted
I found it difficult to work up the initiative to do things.	3.8621	14.953	.742	.898
I couldn't see to experience any positive feelings at all.	4.0759	14.834	.766	.896
I felt down-hearted and blue.	3.8690	14.920	.757	.897
I felt that I was not worth much as a person.	4.0966	14.310	.843	.887
I felt that life was meaningless.	4.2966	15.252	.752	.898
I felt that I had nothing to look forward to.	4.2138	14.808	.802	.892
I was unable to become enthusiastic about anything.	3.5586	15.082	.514	.925

Most of the items presented in the table showed strong correlations with the total score, indicating good reliability of the scale. However, the item “I was unable to become enthusiastic about anything” has a relatively lower correlation of 0.514 compared to the other items.

The anxiety scale yielded a Cronbach’s alpha of 0.950, reflecting very high reliability.

Reliability Statistics	
Cronbach's Alpha	N of Items
.950	7

Table 4. Reliability of Anxiety Level.

Item-Total Statistics				
	Scale Mean if Item Deleted	Scale Variance if Item Deleted	Corrected Item-Total Correlation	Cronbach's Alpha if Item Deleted
I felt scared without any good reason.	3.3724	14.541	.799	.945
I suddenly felt I was close to panic.	3.6207	14.598	.865	.939
I was worried about situations of panic and making a fool of myself.	3.5448	14.444	.820	.943
I experienced breathing difficulty.	3.7103	14.513	.864	.939
I felt dryness of mouth.	3.5310	14.848	.806	.944
I was aware of the actions of my heart.	3.6759	14.637	.852	.940
I experienced trembling.	3.7034	14.863	.804	.944

Table 4 presents that corrected item-total correlations range from 0.799 to 0.865, demonstrating a very strong correlation with the total score and indicating excellent reliability of the anxiety scale. Furthermore, all items are consistent and well-aligned, confirming that the scale can be used reliably.

The stress scale showed a Cronbach’s alpha of 0.933, confirming a very high level of internal consistency.

Reliability Statistics	
Cronbach's Alpha	N of Items
.933	7

Table 5. Reliability of Stress Level.

Item-Total Statistics				
	Scale Mean if Item Deleted	Scale Variance if Item Deleted	Corrected Item-Total Correlation	Cronbach's Alpha if Item Deleted
I tended to over-react to situations.	5.4897	18.571	.758	.926
I felt that I was using a lot of nervous energy.	5.3517	17.563	.806	.921
I was intolerant of anything that kept me from getting on with what I was going.	5.2759	17.979	.748	.927
I found myself getting agitated.	5.9517	18.491	.753	.926
I felt that it was difficult to relax.	5.6966	17.880	.831	.919
I found it hard to wind down.	5.7793	17.562	.798	.922
I felt that I was rather touchy.	5.6414	17.843	.804	.921

As shown in Table 5, all items reveal strong correlations with the total score, representing good reliability of the scale. Moreover, the consistency and alignment of all indicators suggest that the scale exhibits a high level of stability.

2. KMO and Bartlett's Test:

A KMO value of 0.8 or higher indicates that the data are suitable for factor analysis and reflect good quality. In the present study, the KMO value was 0.952 indicating excellent sampling adequacy.

3. ANOVA analysis

KMO and Bartlett's Test			
Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy.		of	.952
Bartlett's Test of Sphericity	Approx. Chi-Square		2764
	df		190
	Sig.		.000

Table 6. ANOVA

ANOVA						
		Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Depression	Between Groups	403.701	5	80.740	1.012	.413
	Within Groups	11094.064	139	79.813		
	Total	11497.766	144			
Anxiety	Between Groups	449.853	5	89.971	1.144	.340
	Within Groups	10928.519	139	78.622		
	Total	11378.372	144			
Stress	Between Groups	754.420	5	150.884	1.590	.167
	Within Groups	13190.021	139	94.982		
	Total	13944.441	144			

According to the results of the ANOVA analysis, there were no statistically significant differences ($p > 0.05$) among the mean scores of the depression, anxiety, and stress groups. In other words, it can be concluded that the psychological levels across these groups are relatively similar.

4. Data analysis

The descriptive statistics for participants' psychological symptoms are presented as follows:

Table 7. Descriptive Statistics.

Descriptive Statistics			
	Mean	Std.Deviation	N
Depression	9.3241	8.93564	145
Anxiety	8.3862	8.88912	145
Stress	13.0621	9.84055	145

The mean scores and standard deviations for depression, anxiety, and stress among the 145 participants provide a general overview of participants' psychological well-being.

5. Factor analysis

Table 8. Factor correlation analysis.

Rotated Component Matrix			
	Component		
	1	2	3
I suddenly felt I was close to panic	.952		
I was aware of the actions of my heart	.873		
I experienced breathing difficulty.	.868		
I experienced trembling	.732		
I was worried about situations of panic and making a fool of myself.	.698		
I felt dryness of mouth.	.651		
I found it hard to wind down.	.649		
I felt scared without any good reason.	.580		
I was intolerant of anything that kept me from getting on with what I was going.		.831	
I tended to over-react to situations.		.798	
I felt that I was using a lot of nervous energy.		.743	
I felt that it was difficult to relax.		.711	
I felt that I was rather touchy.		.636	
I was unable to become enthusiastic about anything.		.506	
I found myself getting agitated.		.478	
I couldn't see to experience any positive feelings at all.			.892
I felt that I was not worth much as a person.			.833
I felt that I had nothing to look forward to.			.829
I felt that life was meaningless.			.715
I found it difficult to work up the initiative to do things.			.695
I felt down-hearted and blue.			.576

This table indicates that psychological symptoms can be classified into three main levels:

- Level of Depression. This factor includes items such as low self-worth, lack of confidence in the future, and feelings of being unlucky or a failure. At this level, participants feel weak and aimless.

- Level of Anxiety. It includes symptoms associated with psychological responses such as shortness of breath, sudden panic, and nervousness or fear.

- Level of Stress - includes items reflecting excessive concern over minor issues, feeling out of control, and symptoms of frustration and stress.

Overall, these results determine that the psychological symptoms of the participants are logically related.

6. Correlation analysis:

Table 9. Correlation analysis.

		Depression	Anxiety	Stress
Depression	Pearson Correlation	1	.833**	.771**
	Sig. (2-tailed)		<.001	<.001
	N	145	145	145
Anxiety	Pearson Correlation	.833**	1	.823**
	Sig. (2-tailed)	<.001		<.001
	N	145	145	145
Stress	Pearson Correlation	.771**	.823**	1
	Sig. (2-tailed)	<.001	<.001	
	N	145	145	145

From the table 8, strong positive relationships were observed among depression, anxiety, and stress. The results of the correlation analysis revealed the following relationships:

- A strong positive correlation was observed between depression and anxiety ($r = 0.833$).
- Depression and stress also showed a strong positive correlation ($r = 0.771$).
- A strong positive correlation was found between anxiety and stress ($r = 0.823$).

All correlations were statistically significant ($p < 0.001$). These findings highlight that among teachers, levels of depression, anxiety, and stress are strongly and positively interrelated, suggesting that these psychological factors are interconnected, and an increase in one is likely to be accompanied by increases in the others.

7. Regression analysis:

Table 10. Regression analysis.

Modal Summary								
Model	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate	F Change	df1	df2	Sig. F Change
1	.847	.717	.713	4.78725	179.849	2	142	<.001

Based on the results of the regression analysis, the two variables explained 71.7% of the dependent variable, and the model was statistically highly significant ($F(2,142)=179.849$, $p<0.001$), which was shown by $R=0.847$, demonstrating a strong relationship between the variables.

HYPOTHESIS TESTING

Within the scope of this study, two hypotheses were proposed:

Hypothesis 1: Teachers' psychological well-being is related to teaching experience in years.

Hypothesis 2: Teachers are most vulnerable to anxiety.

Hypothesis Evaluation 1:

- According to the results of ANOVA and correlation, there was no statistically significant difference ($p > 0.05$) in the mean scores of depressions, anxiety, and stress levels among the groups. This showed that teachers' psychological well-being is not directly related to the teaching experience in years. Therefore, hypothesis 1 was not confirmed.

Hypothesis Evaluation 2:

- The results of the mean and factor analysis showed that the anxiety levels were found to be higher than depression and stress. This suggests that teachers are more vulnerable to anxiety-related symptoms. Consequently, Hypothesis 2 was supported.

CONCLUSION

In contemporary educational contexts, the health of educators-particularly their psychological well-being requires attention equal to that afforded to students. The study revealed that anxiety (40%) is the most prominent psychological concern among Mongolian teachers, followed by depression (29%) and stress (23.3%). These issues are closely associated with structural and occupational factors, including high workloads and, heavy paperwork, large class sizes, extensive out-of-class responsibilities, and comparatively low salaries, all of which contribute to heightened levels of stress, anxiety, and burnout. Limited access to professional mental health support and a lack of institutional well-being programs further exacerbate these conditions.

Correlation analyses ($r = 0.771-0.833$, $p < 0.001$) indicated that increases in one psychological factor are closely linked with increases in others, highlighting that teachers' overall mental well-being is directly influenced by levels of stress and anxiety, and that addressing these factors may substantially reduce the risk of depression. These results emphasize the need to support the psychological well-being of educators through comprehensive measures, including preventive programs, counseling services, stress management training, and institutional initiatives fostering a positive and supportive work environment. Furthermore, this study may provide a scientific basis for assessing and monitoring teachers' psychological well-being in Mongolia to conduct research with a wider scope.

References / Список литературы

1. [Electronic Resource]. URL: https://www.who.int/health-topics/mental-health#tab=tab_1.
2. O'Leary, "Global increase in depression and anxiety," Nature Medicine, 2021.
3. WHO, "COVID-19 pandemic triggers 25% increase in prevalence of anxiety and depression worldwide," 2022.
4. Johan O., P.C., Anthony J., Robert A. Schoevers, "What is needed to eradicate the depression epidemic, and why," ScienceDirect, 2020.
5. Leonard K., Abramovitch A. "Cognitive functions in young adults with generalized anxiety disorder," Eur Psychiatry, 2019.
6. Chneiderman N., Ironson G. Siegel "STRESS AND HEALTH: psychological, behavioral, and biological determinants," Annual Reviews, 2005.
7. Cao, C.H. & Liao, X.L. "Psychometric evaluation of the Depression, Anxiety, and Stress Scale 21 (DASS 21) among Chinese primary and middle school teachers," BMC Psychology, 2023.
8. Wang X., Cao, C.H., Liao, X.L. "Comparing the psychometric evidence of the Depression, Anxiety, and Stress Scale 21 (DASS-21) between Spanish and Chinese primary schoolteachers," BMC Psychology, 2025.
9. Carolina C., Victor P. "Mindfulness, teacher mental health, and wellbeing in early education: a correlational study," BMC Psychology, 2024.
10. Lkhagvasuren B., Hiramoto T., Bat E.E. "Anxiety, depression, and brain overwork in the general population of Mongolia," Scientific reports, 2024.
11. Basbish Ts., Enkhjargal Y., Oyungoio B. "Frontline Mongolian Healthcare Professionals and Adverse Mental Health Conditions During the Peak of COVID-19 Pandemic," PMC PubMed Central, 2022.
12. Ramberg J., Låftman S.B., Nilbrink J. "Job strain and sense of coherence: Associations with stress-related outcomes among teachers" Scand J Public Health, 2022.
13. Desouky D., Allam H. "Occupational stress, anxiety and depression among Egyptian teachers," PubMed, 2017.
14. Montgomery C., & Rupp A.A. "A meta-analysis for exploring the diverse causes and effects of stress in teachers" Canadian Journal of Education, 2005.

15. Stapleton P., Garby S., Sabot D. "Psychological distress and coping styles in teachers: a preliminary study" Australian J Educ, 2020.
16. Richards R., Hemphill K.A., Templin M.A. "Personal and Contextual Factors Related to Teachers' Experience with Stress and Burnout" ERIC, 2018.
17. З. Алтанчимэг, П. Одгэрэл, Ц. Энгуунмөрөн "Оюутан суралцагчдын нойрны хэмнэл, төлөв байдал, нойрны чанарт нөлөөлөх хүчин зүйлсийн судалгаа," Боловсрол судлал, 2021.
18. Samer O., Alalalmeha B., Omar E. Hegazi, "Assessing mental health among students in the UAE: A cross-sectional study," Saudi Pharmaceutical, 2024.
19. Zheng Zh., Ruoheng L. "Application of DASS-21 in Chinese students," BMC Public Health, 2024.
20. Alisha N., Afsha A. "To Measure the Level of Depression Anxiety and Stress," Pharmacy Practice, 2024.
21. Devika Sh., Varun P. "Examining mental health of medical students," Basic & Clinical Pharmacology, 2024.
22. Welford P., O'Brien A. "Improving student mental wellbeing" ResearchGate, 2019.
23. Mofatteh M. "Risk factors associated with stress, anxiety, and depression among university undergraduate students," Public Health, 2020.
24. L. D'Alessio., G.P. Korman., M. Sarudiansky., L.R. Guelman "Reducing allostatic load in depression and anxiety disorders" Frontiers in POysics, 2020.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОПЫТА РАБОТЫ ПО ПРОГРАММЕ «НЕЙРОУПРАЖНЕНИЯ И ТЕАТРАЛИЗОВАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОШКОЛЬНИКА»

Календжян А.М.

*Календжян Анжела Мелконовна - воспитатель
Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение детский сад №26
«Петушок»
г. Туапсе*

Аннотация: в данной статье раскрывается специфика интеграции нейроупражнений в театрализованную деятельность в рамках модифицированной программы.

Ключевые слова: социализация, театральная деятельность, нейроигры, нейроупражнения, дошкольный возраст, модифицированная программа.

PRESENTATION OF EXPERIENCE IN THE PROGRAM "NEUROEXERCISES AND THEATRICAL ACTIVITIES OF PRESCHOOLERS"

Kalendzhyan A.M.

*Kalendzhyan Angela Melkonovna - Teacher
MUNICIPAL BUDGETARY PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION KINDERGARTEN № 26
"PETUSHOK"
TUAPSE*

Abstract: This article reveals the specifics of integrating neuroexercises into theatrical activities within the framework of a modified program.

Keywords: *socialization, theatrical activities, neurogames, neuroexercises, preschool age, modified program.*

Театрализованная деятельность в детском саду – это не просто постановка спектаклей, а мощный инструмент развития, объединяющий речь, движение, эмоции и коммуникацию. Однако для современных детей, имеющих нарушения речевого и моторного развития, классических репетиций недостаточно.

Именно поэтому на стыке театральной педагогики и нейропсихологии родилось направление-использование нейроупражнений в театрализованной деятельности. Добавление нейроупражнений в творческий процесс помогает активировать работу мозга, что значительно улучшает речь, координацию и самоконтроль.

Осознавая важность такого комплексного подхода, была разработана модифицированная программа для детей старшего дошкольного возраста «Нейроупражнения и театрализованная деятельность дошкольника».

Для реализации программы была поставлена цель: создание условий для всестороннего развития детей 6-7 лет средствами театральной деятельности с применением элементов нейроигровой технологии.

Данная цель была достигнута путем постановки и реализации следующих задач:

- Обеспечить активное вовлечение детей в театральную игру и импровизацию.
- Расширять и углублять эмоционально-чувственный опыт дошкольников через участие в сюжетно-ролевых играх.
- Создать условия для развития крупной и мелкой моторики, слухового и зрительного восприятия.
- Формировать устойчивые положительные эмоции и самооценку путём публичного выступления и взаимодействия с коллективом сверстников.
- Укреплять межличностные отношения между воспитанниками и взрослыми участниками педагогического процесса.

В основу программы заложены следующие принципы:

- приобщение детей к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства;
- построение образовательной деятельности на основе индивидуальных особенностей каждого ребенка, при котором сам ребенок становится активным в выборе содержания своего образования, становится субъектом образования;
- формирование познавательных интересов и познавательных действий ребенка в различных видах деятельности.

Реализуя данную программу, мы ожидаем достичь следующих результатов:

- Дети освоят основы актёрского мастерства, научатся чётче произносить звуки и осмысленнее воспринимать художественный текст.
- Произойдёт значительное улучшение моторных навыков, памяти, внимания и общего уровня физического здоровья.
- Сформируются качества личности, необходимые для дальнейшей социальной адаптации и успешности в начальной школе.
- Родители получают возможность наблюдать за успехами своего ребёнка и почувствовать свою причастность к образовательной деятельности.

Программа театральной деятельности с использованием нейроигр и нейроупражнений разработана в интеграции с современными образовательными технологиями. Такие технологии обеспечивают разнообразие форм и методов работы, поддерживают мотивацию детей, развивают их творческий потенциал и содействуют общему интеллектуальному развитию. (см. рис. 1).



Рис. 1. Технологии, применяемые при реализации программы.

Особое внимание заслуживает инновационная техника нейрокоррекции через театрализацию.

Нейрогимнастика включает разнообразные гимнастические упражнения, направленные на стимуляцию обоих полушарий мозга, повышая работоспособность и продуктивность. Включённые в театральные занятия, эти упражнения делают уроки интересными и полезными.

- Улучшение нейропластичности и скорости обработки информации.
- Балансировка нервно-психологического состояния.
- Повышение способности концентрироваться и решать задачи.

В сочетании с театральной деятельностью нейроигры являются отличной базой для тренировки нервных связей и улучшения функциональных показателей нервной системы детей. Специально подобранные упражнения помогают развивать крупную и мелкую моторику, зрение, слух, концентрацию внимания и даже стабилизируют эмоциональное состояние.

- Одновременное развитие исполнительских навыков и необходимых базовых функций мозга.
- Снижение утомляемости и поддержание высокого уровня энергии у детей.
- Возможность индивидуальной работы с каждым ребенком, учитывая его индивидуальные особенности.

Таким образом, интеграция театральных практик в образовательный процесс способствует не только развитию образного мышления и творческой активности, но и формирует у детей важнейшие коммуникативные компетенции, умение работать в команде и уверенность в себе. Театральная деятельность становится пространством, где каждый ребёнок может почувствовать себя значимым, услышанным и понятым, что особенно важно для успешной социализации.

Список литературы / References

1. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте: Психологический очерк. – М.: Просвещение, 1991. – 93с.
2. *Комарова Т.С.* Театрализованная деятельность в детском саду: Методическое пособие. – М.: Мозаика – Синтез, 2018. – 176с.
3. *Кудрявцев В.Т.* Развитие воображения и творчества в дошкольном возрасте: теория и практика. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2015. – 224с.
4. *Щетинин М.П.* Театр как средство воспитания и развития личности ребенка. – М.: Педагогика, 2010. – 192с.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ САМООРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРАКТИВНЫХ ЧЕК-ЛИСТОВ

Нуркенов С.Б.

Нуркенов Султан Болатович – магистрант,
кафедра «Computer Science»,
Торайгыров университет,
г. Павлодар, Республика Казахстан

Аннотация: в данной статье рассматриваются возможности использования интерактивных чек-листов в образовательном процессе для формирования навыков самоорганизации студентов при выполнении практических работ. Особое внимание уделяется цифровым инструментам сопровождения учебной деятельности, обеспечивающим структурирование этапов выполнения заданий, контроль прогресса и повышение самостоятельности обучающихся. Анализируются современные подходы к организации учебного процесса с применением интерактивных систем поддержки, а также влияние технологий интеллектуального сопровождения на качество выполнения учебных заданий. Рассматриваются преимущества использования интерактивных чек-листов в условиях цифровизации образования, включая снижение когнитивной нагрузки, повышение вовлеченности студентов и развитие навыков самоконтроля.

Ключевые слова: интерактивные чек-листы, самоорганизация студентов, цифровое обучение, практические работы, информационные системы, образовательные технологии, самостоятельная работа, цифровая поддержка обучения.

FORMATION OF STUDENTS' SELF-ORGANIZATION SKILLS USING INTERACTIVE CHECKLISTS

Nurkenov S.B.

Nurkenov Sultan Bolatovich – undergraduate,
«COMPUTER SCIENCE» DEPARTMENT,
TORAIGHYROV UNIVERSITY,
PAVLODAR, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: this article discusses the possibilities of using interactive checklists in the educational process to develop students' self-organization skills during practical assignments. Particular attention is paid to digital tools for supporting educational activities that provide task structuring, progress control, and increased learner autonomy. Modern approaches to organizing the educational process using interactive support systems and the impact of intelligent assistance technologies on the quality of task completion are analyzed. The advantages of interactive checklists in the context of digitalization of education are considered, including reduced cognitive load, increased student engagement, and development of self-control skills.

Keywords: interactive checklists, student self-organization, digital learning, practical assignments, information systems, educational technologies, independent work, digital support for learning.

УДК 004.9:37.02

Современная система образования характеризуется активным внедрением цифровых технологий в учебный процесс. Одним из ключевых направлений цифровизации образования является создание инструментов, способствующих развитию

самостоятельности и самоорганизации студентов при выполнении учебных заданий. В условиях увеличения объема самостоятельной работы особую актуальность приобретают средства, позволяющие структурировать деятельность обучающихся и обеспечивать контроль выполнения отдельных этапов практических работ.

Самоорганизация представляет собой важный компонент учебной деятельности, включающий планирование, распределение времени, контроль промежуточных результатов и оценку собственной эффективности. Недостаточный уровень сформированности данных навыков у студентов приводит к снижению качества выполнения практических заданий, увеличению количества ошибок и росту зависимости от преподавателя.

Одним из эффективных инструментов поддержки учебной деятельности являются интерактивные чек-листы. Они позволяют разбивать сложные задания на последовательные этапы, обеспечивая визуальное сопровождение процесса выполнения работы. Использование чек-листов способствует снижению когнитивной нагрузки и помогает студентам концентрироваться на достижении конкретных промежуточных целей.

Интерактивные системы сопровождения учебной деятельности активно применяются в различных областях. Исследование ReviewFlow демонстрирует использование интеллектуальных подсказок и структурированных сценариев работы для сопровождения сложных когнитивных процессов. Авторы отмечают, что пошаговая поддержка способствует повышению качества выполнения задач и помогает пользователям соблюдать рекомендуемую структуру деятельности [1]. В рамках образовательного процесса подобный подход может быть адаптирован для сопровождения выполнения практических работ студентами.

Современные цифровые системы поддержки деятельности пользователей используют интерактивные чек-листы как механизм контроля полноты выполнения задач. В исследовании Penterep описывается подход, основанный на адаптивных интерактивных чек-листах, позволяющих пользователю последовательно выполнять необходимые действия и отслеживать прогресс выполнения работы [2]. Авторы подчеркивают, что интерактивные чек-листы повышают прозрачность процесса и уменьшают вероятность пропуска важных этапов выполнения задачи [1].

Применительно к образовательной среде интерактивные чек-листы позволяют организовать выполнение практических работ в виде последовательности контролируемых действий [3]. Каждому этапу работы может соответствовать описание задания, рекомендации по выполнению, критерии проверки и элементы автоматического контроля. Такой подход способствует развитию у студентов навыков планирования и самоконтроля.

Дополнительным преимуществом интерактивных чек-листов является возможность адаптации под уровень подготовки обучающегося. В зависимости от результатов выполнения предыдущих этапов система может предоставлять дополнительные подсказки, методические рекомендации или ссылки на учебные материалы. Это особенно важно при организации самостоятельной работы студентов в дистанционном формате обучения [4].

Использование цифровых инструментов сопровождения способствует повышению вовлеченности студентов в учебный процесс. Наличие визуального отображения прогресса выполнения практической работы позволяет формировать ощущение достижения промежуточных результатов, что положительно влияет на мотивацию обучающихся. Кроме того, преподаватель получает возможность отслеживать этапы выполнения задания и своевременно выявлять затруднения студентов.

Следует отметить, что внедрение интерактивных чек-листов требует разработки удобного пользовательского интерфейса и продуманной структуры заданий. Чрезмерная детализация этапов может привести к усложнению восприятия информации, тогда как недостаточная структурированность снижает эффективность

сопровождения учебной деятельности. Поэтому важным направлением разработки информационных систем является обеспечение баланса между гибкостью и полнотой контроля выполнения практических работ.

Таким образом, использование интерактивных чек-листов в образовательном процессе способствует формированию навыков самоорганизации студентов, повышению качества выполнения практических работ и развитию самостоятельности обучающихся. Применение цифровых систем сопровождения учебной деятельности открывает перспективы для дальнейшего совершенствования образовательных технологий и повышения эффективности практико-ориентированного обучения.

Список литературы / References

1. Sun L., Chan A., Chang Y.S., Dow S.P. ReviewFlow: Intelligent Scaffolding to Support Academic Peer Reviewing // ACM Digital Library, 2024.
2. Lazarov W., Seda P., Martinasek Z., Kummel R. Penterep: Comprehensive penetration testing with adaptable interactive checklists // Computers & Security. 2025.
3. Faza A., Lestari I.A. Self-Regulated Learning in the Digital Age: A Systematic Review of Strategies, Technologies, Benefits, and Challenges // International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2025.
4. Yumei Zou, Florence Kuek, Wenqin Feng, Xiaoli Cheng Digital learning in the 21st century: trends, challenges, and innovations // Frontiers in Education. 2025.
5. Désirée Delia Diana Fahrni, Glenna Iten, Doreen Prasse, Tina Hascher Teachers' practices in the use of digital technology to promote self-regulated learning and metacognition: a systematic review // Thinking Skills and Creativity. 2025.

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Нуркенов С.Б.

*Нуркенов Султан Болатович – магистрант,
кафедра «Computer Science»,
Торайгыров университет,
г. Павлодар, Республика Казахстан*

Аннотация: в данной статье рассматривается влияние генеративного искусственного интеллекта на трансформацию учебной деятельности студентов в условиях цифровизации высшего образования. Анализируются возможности использования генеративных моделей в образовательном процессе, а также риски, связанные со снижением академической самостоятельности обучающихся. Особое внимание уделяется изменениям структуры учебной деятельности студентов, формированию новых цифровых компетенций и вопросам педагогического сопровождения использования искусственного интеллекта. Предлагается модель педагогически обоснованной интеграции генеративного ИИ в образовательную среду, направленная на сохранение качества обучения и развитие критического мышления студентов.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, цифровизация образования, учебная деятельность, академическая честность, высшее образование, цифровые технологии, AI-грамотность.

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR TRANSFORMING STUDENTS' LEARNING ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION

Nurkenov S.B.

*Nurkenov Sultan Bolatovich – undergraduate,
«COMPUTER SCIENCE» DEPARTMENT,
TORAIGHYROV UNIVERSITY,
PAVLODAR, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN*

Abstract: *this article examines the influence of generative artificial intelligence on the transformation of students' learning activities in the context of digitalization of higher education. The possibilities of using generative models in the educational process, as well as the risks associated with the reduction of students' academic independence, are analyzed. Particular attention is paid to changes in the structure of students' learning activities, the formation of new digital competencies, and issues of pedagogical support for the use of artificial intelligence. A model of pedagogically grounded integration of generative AI into the educational environment is proposed, aimed at maintaining the quality of education and developing students' critical thinking.*

Keywords: *generative artificial intelligence, digitalization of education, learning activity, academic integrity, higher education, digital technologies, AI literacy.*

УДК 004.8:378.147

Современный этап развития высшего образования характеризуется активным внедрением цифровых технологий и интеллектуальных систем в образовательный процесс [1]. Особое место среди них занимает генеративный искусственный интеллект, способный создавать тексты, программный код, изображения и иные формы цифрового контента [2]. Распространение подобных технологий приводит к существенным изменениям в организации учебной деятельности студентов и подходах к получению знаний.

Развитие генеративных моделей, таких как ChatGPT, Gemini, Claude и Copilot, значительно расширило возможности обучающихся при выполнении учебных заданий. Студенты получили доступ к инструментам автоматизированного поиска информации, генерации текстов, анализа данных и объяснения сложных тем [3]. Это способствует повышению доступности образовательных ресурсов и ускорению обработки информации.

Одним из ключевых преимуществ генеративного искусственного интеллекта является поддержка персонализированного обучения. Современные интеллектуальные системы способны адаптировать образовательный контент под уровень подготовки студента, предоставлять пошаговые объяснения и формировать индивидуальные рекомендации [4]. Подобный подход соответствует концепции adaptive learning, основанной на адаптации образовательной среды к индивидуальным особенностям обучающихся.

Среди основных возможностей генеративного ИИ в образовательной среде можно выделить:

- автоматизацию подготовки учебных материалов;
- поддержку самостоятельной работы студентов;
- помощь при изучении программирования и технических дисциплин;
- расширение возможностей дистанционного обучения;
- ускорение обработки и анализа информации.

Кроме того, генеративный ИИ способствует повышению вовлеченности студентов в образовательный процесс за счет интерактивного взаимодействия и оперативного получения обратной связи [5].

Несмотря на значительные преимущества, внедрение генеративного искусственного интеллекта сопровождается рядом серьезных рисков. Наиболее обсуждаемой проблемой является нарушение принципов академической честности. Использование ИИ для автоматической генерации эссе, отчетов и иных учебных работ затрудняет объективную оценку уровня знаний студентов [6].

Особую актуальность приобретает проблема снижения когнитивной активности обучающихся. При чрезмерной зависимости от интеллектуальных систем у студентов может снижаться уровень аналитического мышления, способности к самостоятельному поиску решений и глубокой обработке информации [7]. В результате возникает риск подмены учебной деятельности имитацией конечного результата без полноценного усвоения знаний.

К основным рискам использования генеративного ИИ относятся:

- снижение самостоятельности обучающихся;
- формирование зависимости от цифровых инструментов;
- поверхностное усвоение учебного материала;
- уменьшение мотивации к аналитической деятельности;
- сложности объективной оценки знаний студентов.

В условиях цифровизации образования происходит трансформация самой структуры учебной деятельности. Если ранее основное внимание уделялось самостоятельному созданию учебного продукта, то в настоящее время возрастает роль управления информационными потоками и интеллектуальными инструментами [2]. Студент постепенно переходит от позиции непосредственного автора к роли оператора и аналитика цифровых систем.

В этой связи особую значимость приобретают новые компетенции:

1. цифровая грамотность;
2. AI-грамотность;
3. навыки критической оценки информации;
4. метакогнитивные способности;
5. умение формулировать эффективные запросы к ИИ-системам.

Таким образом, важнейшей задачей современного образования становится не запрет использования генеративного ИИ, а формирование культуры его осознанного и ответственного применения [8].

Для эффективной интеграции генеративного искусственного интеллекта в образовательный процесс предлагается комплексная педагогическая модель, включающая несколько взаимосвязанных компонентов.

Нормативный компонент предполагает разработку четких правил применения искусственного интеллекта в образовательной среде. Необходимо определить допустимые формы использования ИИ при подготовке письменных работ, выполнении практических заданий и проектной деятельности. Это обеспечивает прозрачность образовательного процесса и способствует соблюдению принципов академической честности [6].

Методический компонент связан с трансформацией содержания учебных заданий. Традиционные репродуктивные формы контроля постепенно теряют эффективность, поскольку могут быть полностью выполнены генеративными моделями [3]. В связи с этим возрастает значение аналитических, исследовательских и проектных заданий, требующих интерпретации информации, аргументации и самостоятельного принятия решений.

Образовательный компонент предполагает формирование AI-грамотности студентов. Речь идет не только о техническом владении инструментами

искусственного интеллекта, но и о понимании ограничений генеративных моделей, способности выявлять ошибки и критически оценивать результаты их работы [4].

Оценочно-контрольный компонент предусматривает внедрение комбинированных методов оценки знаний. Помимо письменных работ целесообразно использовать устные ответы, кейс-задания, проектную деятельность и практические формы контроля, требующие непосредственного участия студента. Это позволяет объективно оценить уровень подготовки обучающихся даже в условиях активного использования генеративных технологий [5].

Рефлексивный компонент направлен на формирование у студентов осознанного отношения к использованию генеративного ИИ. Важно, чтобы обучающийся понимал границы применения интеллектуальных систем и сохранял ответственность за результаты собственной учебной деятельности [7].

Таким образом, генеративный искусственный интеллект оказывает существенное влияние на трансформацию учебной деятельности студентов в условиях цифровизации высшего образования. Эффективность применения данных технологий определяется не самим фактом использования ИИ, а качеством его педагогической интеграции в образовательный процесс [1]. Предложенная модель позволяет минимизировать риски снижения академической самостоятельности и обеспечить развитие ключевых компетенций студентов в цифровой образовательной среде.

Список литературы / References

1. *Holmes W., Tuomi I.* State of the art and practice in AI in education // *European Journal of Education.* 2025.
2. *Digital learning in the 21st century: trends, challenges, and innovations* // *Frontiers in Education.* 2025.
3. *Mollick E.* *Co-Intelligence: Living and Working with AI.* New York: Portfolio, 2025.
4. *Viberg O., Khalil M.* Adaptive learning systems and personalized learning environments in higher education // *Computers & Education: Artificial Intelligence.* 2025.
5. *Bond M., Bedenlier S.* Facilitating student engagement through educational technology: systematic review // *Educational Technology Research and Development.* 2025.
6. *Kovanović V., Joksimović S.* Academic integrity challenges in the era of generative AI // *Computers and Education Open.* 2026.
7. *Ifenthaler D., Schumacher C.* Student perceptions of generative AI and cognitive engagement in digital education // *Computers in Human Behavior Reports.* 2025.
8. UNESCO. *Guidance for generative AI in education and research.* Paris: UNESCO Publishing, 2025.

SOME RESULTS OF ASSESSING THE CURRENT STATUS OF HEALTHY AGING AMONG OLDER ADULTS USING THE ICOPE COMPREHENSIVE ASSESSMENT TOOL

Ganchimeg L.¹, Bayarmaa N.², Bayasgalanmunkh B.³, Narmandakh D.⁴

¹Ganchimeg Lkhundev - Master of Health Policy and Management,
DEPARTMENT OF PUBLIC HEALTH AND TRADITIONAL MEDICINE DEPARTMENT,

²Bayarmaa Natsag - Master of Educational Sciences,
DEPARTMENT OF FUNDAMENTAL SCIENCES;

³Bayasgalanmunkh Baatar - Candidate of Medicine, Associate Professor
DIVISION OF ADMINISTRATION AND HUMAN RESOURCES,
MONGOLIAN NATIONAL UNIVERSITY OF MEDICAL SCIENCES,
DARKHAN - UUL,

⁴Narmandakh Dolgor- Candidate of Linguistics, Professor
GRADUATE SCHOOL, GLOBAL LEADERSHIP UNIVERSITY;
ULAANBAATAR,
MONGOLIA

Abstract: Older adults account for 12.3% of the global population. Worldwide, approximately 901 million individuals are aged 60 years and older. The number of older adults is steadily increasing, and by 2050, 22% of the world's population, or one in every five individuals, is projected to be aged 60 years and above (United Nations Population Fund, 2000). In Mongolia, older adults aged 60 years and older accounted for 9.7% of the population in 2021 and are projected to reach 11.9% by 2030 (National Statistics Office of Mongolia).

Studies evaluating cognitive function, nutritional status, and physical performance among older adults in Mongolia remain limited, particularly those investigating their interrelationships using specialized physical performance assessments. Therefore, this study aimed to assess the current status of integrated care among older adults and evaluate selected associated factors.

A total of 155 older adults were randomly selected using a cross-sectional study design. Cognitive decline was identified in 30.3% of participants, while 67.7% demonstrated depressive symptoms. Cognitive impairment among older adults showed a negative correlation with mobility and physical performance. Furthermore, 6 out of every 10 participants required comprehensive nutritional assessment, indicating an urgent need for multidisciplinary healthcare services for older adults.

Keywords: older adults, mobility, nutrition, cognition, integrated care.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВОГО СТАРЕНИЯ СРЕДИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЛЕКСНОГО ИНСТРУМЕНТА ОЦЕНКИ ICORE

Ганчимег Л.¹, Баярмаа Н.², Баясгаланмунхх Б.³, Нармандагх Д.⁴

¹Ганчимег Лхундев - магистр политики и управления здравоохранением, кафедра общественного здравоохранения и традиционной медицины,

²Баярмаа Нацаг - магистр педагогических наук, кафедра основных наук;

³Баясгаланмунхх Баатар - кандидат медицинских наук, доцент, отдел администрации и кадров,

Монгольский национальный университет медицинских наук, г. Дархан - Уул,

⁴Нармандах Долгор - кандидат лингвистики, профессор Университет глобального лидерства;

г. Улан-Батар, Монголия

Аннотация: пожилые люди составляют 12,3% населения мира. Во всем мире около 901 миллиона человек находятся в возрасте 60 лет и старше. Число пожилых людей неуклонно растет, и к 2050 году прогнозируется, что 22% населения мира, или каждый пятый человек, будет в возрасте 60 лет и старше (Фонд народонаселения ООН, 2000). В Монголии в 2021 году доля пожилых людей в возрасте 60 лет и старше составляла 9,7% населения, а к 2030 году, по прогнозам, достигнет 11,9% (Национальное статистическое управление Монголии).

Исследования, оценивающие когнитивные функции, пищевой статус и физическую работоспособность среди пожилых людей в Монголии, остаются ограниченными, особенно те, которые изучают их взаимосвязь с использованием специализированных оценок физической работоспособности. Поэтому целью данного исследования было оценить текущее состояние интегрированной медицинской помощи среди пожилых людей и оценить некоторые связанные с этим факторы.

В общей сложности 155 пожилых людей были случайным образом отобраны с использованием поперечного исследования. Снижение когнитивных функций было выявлено у 30,3% участников, а у 67,7% наблюдались симптомы депрессии. Когнитивные нарушения среди пожилых людей показали отрицательную корреляцию с подвижностью и физической работоспособностью. Кроме того, 6 из каждых 10 участников нуждались в комплексной оценке питания, что указывает на острую необходимость в многопрофильных медицинских услугах для пожилых людей.

Ключевые слова: пожилые люди, подвижность, питание, когнитивные функции, интегрированная медицинская помощь.

Introduction. Functional decline in activities of daily living (12.6%), impairment in instrumental activities of daily living (29.9%), cognitive decline (2.2%), and depression (16.4%) are commonly observed among older adults in Mongolia (Prevalence of Diseases, Mental and Social Health among Older Adults in Mongolia). However, studies assessing cognition, nutritional status, and physical performance among older adults remain scarce in Mongolia, which served as the rationale for conducting this study.

Older adults constitute 12.3% of the world's population, with approximately 901 million people aged 60 years and older globally. Currently, one in ten people worldwide is aged 60 years or older. This number continues to rise, and by 2050, older adults are expected to comprise 22% of the global population, meaning one in five individuals will be aged 60 years and above (United Nations Population Fund, 2000).

In Mongolia, older adults aged 60 years and above accounted for 9.7% of the population in 2021 and are projected to increase to 11.9% by 2030 (National Statistics Office of Mongolia). Among older adults, functional impairment in activities of daily living (12.6%), impairment in instrumental activities of daily living (29.9%), cognitive decline (2.2%), and depression (16.4%) are prevalent.

Cognition refers to the process through which individuals perceive and engage with the complexities of everyday life (Lazzarini, 2005). It involves the transformation, reduction, processing, storage, retrieval, and utilization of sensory input (Levy & Burns, 2005), encompassing mental functions necessary for acquiring information and knowledge. The dynamic interaction model of cognition includes multiple domains such as attention, memory, motor function, visuospatial ability, expressive language, and receptive language (Occupational Therapy after Stroke, 2024).

Approximately 39% of individuals aged 65 years and older experience mobility limitations, which occur three times more frequently than among working-age adults. This highlights physical activity and mobility as essential determinants of healthy aging (Integrated Care for Older People, WHO & Ministry of Health, 2023).

Malnutrition is another common condition among older adults. Nutritional status requires special attention in older adults with conditions such as cancer, cardiovascular disease, and dementia. The risk of malnutrition increases with advancing age. Nutritional deficiency negatively affects cognitive function and self-care abilities.

To promote healthy aging, healthcare services for older adults should follow a multidisciplinary and comprehensive approach that evaluates physical, psychological, social, lifestyle, and environmental factors while providing individualized treatment and care according to the needs of older adults (Guidelines for Integrated Care for Older People, Ministry of Health, 2023).

Limited research in Mongolia has evaluated cognition, nutrition, and physical performance simultaneously using specialized physical performance tests among older adults, which further justified the need for this study.

Aim of the Study. To determine the current status of integrated care among older adults and evaluate selected influencing factors.

Objectives.

1. To assess cognitive status, depressive symptoms, mobility impairment, and physical performance among older adults and examine their relationships.
2. To determine nutritional status among older adults and evaluate associated factors.

Methodology. A total of 155 older adults who attended the Elderly Development Center between April 2023 and February 2024 were randomly selected for participation.

Assessment of Cognitive Function, Depression, and Mobility **For the first objective**, cognitive function and depression were assessed according to the WHO Integrated Care for Older People (ICOPE) guidelines using the following standardized tools:

- Mini-Mental State Examination (MMSE)
- Geriatric Depression Scale (GDS)

The MMSE included assessments of:

- Orientation (year, month, day, season, and current location)
- Short-term memory (recall of three unrelated words)
- Attention and calculation (serial subtraction of 7 from 100)
- Long-term memory (delayed recall of previously memorized words)
- Praxis and language abilities (naming objects such as a pencil and watch, and following three-step commands)

Each item was scored from 1 to 5 points. MMSE scores were interpreted as follows:

- 24–30 points: Normal cognitive function
- 18–23 points: Mild cognitive impairment
- ≤17 points: Severe cognitive impairment

Mobility impairment was assessed using:

- Chair stand test
- Balance test
- 4-meter gait speed test

The chair stand test was performed with participants crossing their arms over the chest while standing up from a seated position to assess lower extremity muscle strength, including the gluteus maximus, hamstrings, quadriceps femoris, gastrocnemius, and soleus muscles.



Figure 1. Smartwatch-based 30SCS test



Physical performance scores were based on the combined results of balance assessment, 4-meter gait speed, and chair stand performance:

- 10–12 points: Normal mobility
- 0–9 points: Impaired mobility

Data were collected from April 2023 to February 2024 and analyzed using IBM SPSS Statistics version 26.

Assessment of Nutritional Status **For the second objective**, nutritional status was evaluated using the Mini Nutritional Assessment (MNA) according to the WHO ICOPE (Integrated Care for Older People, 6th Algorithm) guidelines.

This cross-sectional study used SPSS version 26.0 for statistical analysis. Internal consistency and reliability of the six screening questions were assessed using Cronbach's alpha coefficient, yielding a value of 0.85, indicating good reliability. The comprehensive nutritional assessment questionnaire also demonstrated acceptable reliability with a Cronbach's alpha coefficient above 0.70.

The screening component (questions A–F) was interpreted as follows:

- 12–14 points: Normal nutritional status

- ≤ 11 points: Further nutritional assessment required
- Comprehensive nutritional assessment scores were interpreted as:
- 24–30 points: Normal nutritional status
 - 17–23.5 points: At risk of malnutrition
 - < 17 points: Malnourished

Results. Among the study participants, 51.6% (n=80) were female and 48.4% (n=75) were male. The mean age was 68 years (SD ± 8), mean body weight was 70.9 kg (SD ± 16.6), mean cognitive score was 24.1 (SD ± 3.7), mean depression score was 1.9 (SD ± 0.8), and mean mobility score was 8 (SD ± 2.4).

Regarding mobility performance, 0.6% scored 5 points, 1.8% scored 4 points, 24.5% scored 3 points, 32.5% scored 2 points, and 18.7% scored 1 point.

Further nutritional assessment was required in 57.4% of participants. The prevalence of risk of malnutrition was 36.8%, malnutrition was observed in 3.9%, and underweight status in 0.6% of participants. These findings indicate an urgent need for multidisciplinary healthcare services for older adults.

Nutritional status showed a strong positive correlation with cognitive and physical performance abilities ($r=0.527$, $p=.000$), a weak positive correlation with medication use ($r=0.3$, $p=.002$), and a negative correlation with self-perceived nutritional status ($r=-0.3$, $p=.000$). Among the older adults included in the study, 51.6% (n=80) were male and 48.4% (n=75) were female. The mean age was 68 years (SD=8.0), mean body weight was 70.9 kg (SD=16.6), mean cognitive function score was 24.1 (SD=3.7), mean depression score was 1.9 (SD=0.8), and mean physical performance score was 8.0 (SD=2.4).

Table 1. Demographic Characteristics The distribution of participants by age and sex is presented below.

Age Group	Male	Female	Total
55–59 years	9.3% (7)	15% (12)	12.3% (19)
60–65 years	28% (21)	38.7% (31)	33.6% (52)
66–69 years	16% (12)	12.5% (10)	14.2% (22)
70–75 years	22.6% (17)	26.5% (21)	24.5% (38)
≥ 76 years	24% (18)	7.5% (6)	15.4% (24)

Cognitive Function and Depression Among participants receiving healthcare services, 30.3% demonstrated cognitive impairment and 67.7% experienced depressive symptoms.

Table 2. MMSE, Geriatric Depression Scale (GDS), and Physical Performance Assessment by Sex.

Sex	Normal MMS E	Mild Impairment	Severe Impairment	Depressed	Not Depressed	Normal Physical Performance	Declined Physical Performance
Male	56.0% (42)	37.3% (28)	6.7% (5)	42.7% (32)	57.3% (43)	22.6% (17)	77.4% (58)
Female	71.2% (57)	23.8% (19)	5.0% (4)	22.5% (18)	77.5% (62)	41.3% (33)	58.7% (47)

By age group, cognitive impairment prevalence was distributed as follows: 5.1% among participants aged 55–59 years, 23.8% among those aged 60–65 years, 8.5% among those aged 66–69 years, 18.7% among those aged 70–75 years, and 11.6% among participants aged 76 years and older.

Table 3. Folstein MMSE Scores by Age Group.

MMSE Score	55–59 years	60–65 years	66–69 years	70–75 years	≥76 years	p-value
Normal (24–30 points)	8.4% (13)	26.4% (41)	7.8% (12)	14.4% (22)	7.2% (11)	
Mild impairment (18–23 points)	3.9% (6)	5.2% (8)	5.8% (9)	9.8% (15)	5.8% (9)	0.05
Severe impairment (≤17 points)	0	1.8% (3)	0.6% (1)	0.6% (1)	2.6% (4)	
Total	12.3% (19)	33.4% (52)	14.2% (22)	24.5% (38)	15.6% (24)	

Overall, 64.2% of participants had normal cognitive function (24–30 points), 30.5% had mild cognitive impairment (18–23 points), and 5.6% had severe cognitive impairment (≤17 points). According to WHO recommendations, older adults with low MMSE scores should undergo comprehensive dementia assessment by geriatric specialists using the mhGAP algorithm.

Regarding physical performance, 0.6% (10) scored 5 points, 1.8% (28) scored 4 points, 24.5% (38) scored 3 points, 32.5% (50) scored 2 points, and 18.7% (29) scored 1 point. For the 4-meter walking speed test, 30.4% (47) completed the test in ≤4.82 seconds (4 points), 39.4% (61) in 4.81–6.20 seconds (3 points), 20% (31) in 6.21–8.70 seconds (2 points), 9% (14) in >8.7 seconds (1 point), and 1.2% (2) were unable to perform the test (0 points).

In the side-by-side standing balance test, 96.7% of participants were able to maintain balance for at least 10 seconds. In the semi-tandem standing test, 36.7% (57) maintained balance for ≥10 seconds, 33.6% (52) for 3–9.99 seconds, and 29.7% (46) for ≤3 seconds. Decline in cognitive function was significantly and inversely correlated with physical performance ($r = -0.5$, $p = .000$) and activities of daily living performance ($r = -0.5$, $p = .05$).

Nutritional Status of Older Adults; In the second objective of the study, 51.6% ($n=80$) of participants were male and 48.4% ($n=75$) were female. The mean age was 68 years ($SD=8.1$), and the mean body weight was 70.9 kg ($SD=16.6$).

Body mass index (BMI) classification showed that 32.9% (51) had normal weight, 0.6% (1) were underweight, 44.5% (69) were overweight, 18.1% (28) had Class I obesity, and 3.9% (6) had Class II obesity.

Table 4. General Nutritional Characteristics of Older Adults.

Variable	n	Mean	SD	Percentage
Male	75			48.4
Female	80			51.6
Age 55–59	19	68	8.1	12.3
Age 60–65	52			33.5
Age 66–69	22			14.2
Age 70–75	38			24.5
≥76 years	24			15.5

Regarding self-assessment of nutritional status, 1.9% (3) considered themselves malnourished, 5.8% (9) were uncertain, and 92.3% (143) considered their nutritional status normal. However, according to the Mini Nutritional Assessment (MNA), approximately 5–6 out of every 10 older adults required further nutritional assessment.

Overall nutritional status assessment showed that 59.4% (92) had normal nutritional status, 36.8% (57) were at risk of malnutrition, and 3.9% (6) had malnutrition.

Table 5. Nutritional Screening Using the ICOPE Algorithm

Question	n	Percentage
Self-assessment of nutritional status		
Considered malnourished	3	1.9
Uncertain nutritional status	9	5.8
Considered normal	143	92.3
Early nutritional screening assessment		
Normal	66	42.6
Required comprehensive nutritional assessment	89	57.4

Nutritional status showed a strong positive correlation with cognitive function and physical performance ($r = 0.527, p = .000$), a weak positive correlation with medication use ($r = 0.3, p = .002$), and a negative correlation with self-assessed nutritional status ($r = -0.3, p = .000$).

Conclusion

Cognitive impairment (30.3%) and depression (67.7%) were highly prevalent among older adults participating in the study. Cognitive decline was inversely associated with physical performance and activities of daily living. These findings indicate an increasing need for rehabilitation support, caregiver training, and physical therapy interventions, including muscle-strengthening exercises, aerobic exercise, walking, cycling, breathing exercises, balance training, flexibility exercises, and joint mobility exercises.

Furthermore, six out of ten older adults required comprehensive nutritional assessment, highlighting the urgent need for multidisciplinary geriatric care services. Cognitive decline, malnutrition, polypharmacy, frailty, stress, and reduced mobility were common contributing factors. Therefore, community-based and socially supportive interventions should be strengthened, including cognitive stimulation exercises, recreational games, participation in clubs and social activities, opportunities for social interaction, sharing experiences, and skill-based counseling activities.

Recommendations

For physicians, nurses, physiotherapists, and social workers:

- Promote activities that improve fine motor skills, yoga, recreational games, and social interaction to prevent cognitive decline among older adults.
- Encourage participation in clubs, community groups, and social activities according to personal interests.
- Support depression prevention through strengthening exercises, social engagement, and regular interaction with family members and friends.
- Provide health education on healthy nutrition and ensure the inclusion of dietitians in geriatric health centers and hospitals.
- Provide assistive rehabilitation devices and caregiver training, and implement physical therapy interventions such as muscle-strengthening exercises, aerobic exercise, walking, cycling, cardiopulmonary exercises, balance training, flexibility exercises, and range-of-motion exercises.

References / Список литературы

1. Ministry of Health Mongolia & World Health Organization. Integrated Care Model for Older Adults. 2023.
2. "Health, Development and Protection of Older Adults – 2022" Scientific Proceedings.
3. National Statistics Office of Mongolia. Population Statistics of Mongolia. 2022.
4. World Health Organization. Integrated Care for Older People: Guidelines on Community-Level Interventions to Manage Declines in Intrinsic Capacity. 2017.
5. "Occupational Therapy After Stroke." 2024.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ФЕНОМЕН КОНЦЕРТМЕЙСТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Литкин А.А.

*Литкин Алексей Анатольевич - ведущий педагог по классу гитары,
Республиканский техникум музыки и искусств,
г. Ташкент, республика Узбекистан*

Аннотация: в данной работе осуществляется научно-педагогическое исследование феномена концертмейстерской деятельности в Узбекистане через призму концепции комплексного воспитания музыканта, заложенной и обоснованной профессором Р.Г. Кадыровым.

Реконцептуализируя основы традиционной иерархии системы «Педагог — Ученик — Музыка» в контексте современной образовательной модели, автор доказывает, что концертмейстер — не «прочий работник» в области образования, а автономный педагог-стратег, владеющий уникальными когнитивными и коммуникативными компетенциями.

Также в статье проводится анализ функционально-психологической инверсии и постулируется необходимость выделения «концертмейстерской педагогики» в автономную область междисциплинарного знания; обосновывается актуальность комплексной синтез-трансформации педагогического и социально-экономического профиля концертмейстера в контексте реформирования системы музыкального образования Узбекистана.

Ключевые слова: концертмейстерская деятельность, система «Педагог — Ученик — Музыка», когнитивные и коммуникативные компетенции, педагог-концертмейстер, Collaborative Piano.

THE PHENOMENON OF CONCERTMASTER ACTIVITY IN UZBEKISTAN

Litkin A.A.

*Litkin Aleksey Anatolevich - leading guitar teacher,
REPUBLICAN COLLEGE OF MUSIC AND ARTS,
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: this paper presents a scholarly pedagogical investigation of the phenomenon of accompanist (collaborative pianist) practice in Uzbekistan, examined through the lens of the concept of comprehensive musician training as developed and substantiated by Professor R.G. Kadyrov. Reconceptualizing the foundations of the traditional “Teacher – Student – Music” hierarchy within the framework of a contemporary educational paradigm, the author systematically substantiates and demonstrates that the accompanist (collaborative pianist) should not be classified as an “auxiliary educational employee,” but rather recognized as an autonomous pedagogical strategist possessing a distinctive range of advanced cognitive and communicative competencies.

The study further offers an analysis of functional-psychological inversion and advances the proposition that “accompanist pedagogy” should be established as an independent interdisciplinary field of knowledge. In this regard, the article substantiates the relevance of a comprehensive synthesis and transformation of the pedagogical and socio-economic profile of the accompanist within the broader process of reforming the system of music education in Uzbekistan.

Keywords: *accompanist practice; “Teacher – Student – Music” system; cognitive and communicative competencies; pedagogical accompanist; Collaborative Piano.*

УДК 78.071.5

*«Говорят, что два самых важных дня в жизни человека –
это день, когда он родился,
и день, когда он узнает, «зачем» он родился»*

Доктор Эрнест Т. Кэмпбелл

Введение

При условии, что эффективный педагог рассматривает полярные стратегии не как статичные установки, а как требуемые ситуативные инструменты в рамках субъект-субъектной модели, постулат Э. Т. Кэмпбелла о «дихотомии рождения» экстраполируется на процесс самоопределения концертмейстера. Это становление интериоризируется не только как кумуляция компетенций, но и как акт обретения экзистенциально-педагогической идентичности, где мастерство сублимируется в добровольное и осознанное служение в системе «Педагог — Ученик — Музыка».

В XXI веке, в процессе системной трансформации гуманитарного знания, музыкальное образование сталкивается с императивом переосмысления ролевых моделей, где профессиональная деятельность концертмейстера, исторически локализованная как комплементарная, в реальности демонстрирует признаки имманентного качественного перерождения, претендуя на педагогическую субъектность и статус автономного соавторства.

Несмотря на то, что на практике оценка концертмейстерской деятельности в контексте современной системы музыкального образования Узбекистана традиционно редуцируется до формально-технической репрезентации — «как» (совокупности стандартных ансамблевых навыков и приемов), профессиональная зрелость данного специалиста, соответствующая уровню высшей квалификации, достигается лишь в момент осознания им своего ценностно-смыслового метапрофессионального предназначения — «зачем»¹.

Актуальность темы. В XXI веке феномен концертмейстерской деятельности в Узбекистане диссонирует с традиционной субординационной моделью, являя собой полифункциональный синтез ролей концептуального координатора, паритетного пианиста-интерпретатора и самостоятельного педагога-наставника. Преодоление технократической парадигмы, ограничивающей *Collaborative pianist*¹ рамками сугубо сервисной функции, императивно требует пересмотра догматичного «узкопрофильного подхода» к данной творческой профессии.

Научная проблема — системная асимметрия и кризис профессиональной идентичности в условиях трансформации статуса специалиста из технического исполнителя в полноправного субъекта музыкально-педагогического процесса.

Объект исследования — функциональная трансформация и синтез институционально-педагогической модели деятельности концертмейстера в системе профессионального музыкального образования Узбекистана.

Предмет исследования — концептуально-институциональные аспекты трансформации профиля субъекта и интеграция экзистенциально-педагогической идентичности специалиста в современных образовательных программах.

¹ *Collaborative pianist* - понятие отражает глобальную тенденцию пересмотра иерархических отношений внутри камерного ансамбля. Термин был введен в США Сэмюэлем Сандерсом (в 1980-1990гг.) для обозначения музыканта, обладающего не только виртуозной техникой, но и глубокими знаниями в области вокальной фонетики, анализа формы и камерной эстетики. В контексте современной музыкальной культуры Узбекистана этот термин коррелирует с расширением функций концертмейстера как музыканта, педагога и концептуального координатора.

Цель работы — концептуализировать инвариантную сущность деятельности концертмейстера и обосновать его статус как «педагога-концертмейстера», рассматривая эту трансформацию как базовое условие реализации обновленных образовательных стандартов; обеспечить теоретический базис перехода системы музыкального образования Узбекистана от инерционной узкоспециализированной модели к инновационной междисциплинарной парадигме *Collaborative Piano*, соответствующей глобальным профессиональным стандартам и обеспечивающей конкурентоспособность национальных кадров на международном уровнеⁱⁱ.

Гипотеза исследования: переход концертмейстера от технологического уровня «как» к метапрофессиональному уровню «зачем» возможен при внедрении междисциплинарной модели *Collaborative Piano*; предполагается, что интеграция зарубежных образовательных стандартов и традиций системы «Устоз-шогирид»ⁱⁱⁱ обеспечит эволюцию профиля специалиста, утвердив его в качестве автономного субъекта (педагога-концертмейстера) и паритетного соавтора художественной интерпретации, чья деятельность выступает системообразующим фактором герменевтики музыкально-педагогического процесса.

Теоретический базис исследования

В контексте современной педагогики и музыкальной культуры Узбекистана профессиональная эволюция концертмейстерской деятельности приобретает характер этнокультурного синтеза, где концепция *Collaborative Piano* выступает не заимствованной извне инновацией, а современной академической артикуляцией традиционных принципов, генетически созвучных эстетическому коду макомата^{iv} (импровизационной чуткости и синкретизму исполнительских функций)¹.

Переход к статусу равноправного партнера-соавтора является не внедрением чужеродного стандарта, а реактуализацией автохтонной традиции наставничества и паритета: специалист возвращается к роли «Устоза», чей профессиональный авторитет (музыканта и педагога) детерминирован не должностной инструкцией, но всей глубиной совместного интерпретационного диалога.

Данная синтез-трансформация реализует уникальный цивилизационный код, адаптируя западную академическую методологию к ценностным доминантам восточной музыкальной культуры. Образовательный процесс в данной парадигме обретает характер диалогического онтологизма, при котором живая трансляция профессиональных смыслов партнером-соавтором и наставником становится приоритетным вектором творческого развития личности ученика.

В мировой музыкальной педагогике переход от термина *Accompaniment*² к дефиниции *Collaborative Piano* ознаменовал собой концептуальный переворот. Манифестация «новой модели», лингвистический и институциональный сдвиги, инициированные выдающимся американским музыкантом Сэмюэлем Сандерсом³, заложили базис для академической легитимации пианиста как педагога-наставника и «эквивалентного партнера» в музыкальном творческом процессе.

В этой парадигме пианист выступает исполнителем партии фортепиано и наставником, чья компетенция охватывает стилистический анализ, вокальную или

¹ Синкретизм — (от греч. *synkretismos* — соединение, объединение) в самом широком смысле означает слитность элементов, которые позже воспринимаются как самостоятельные. Разделение на «солиста» и «подчиненного аккомпаниатора» чуждо восточной традиции, где ансамбль — единый живой организм (синкретизм функций).

² *Accompaniment* (от франц. *“Accompagner”* - сопровождать) - в традиционной музыкальной парадигме трактуется как функциональное сопровождение основной партии солиста. В контексте современной музыкальной педагогики данный термин подвергается критике как отражающий иерархическую модель «исполнительского сервиса».

³ Сэмюэл Сандерс - выдающийся американский пианист и педагог, который произвел революцию в области камерного исполнительства, внедрив термин *Collaborative piano* (фортепианное сотрудничество) вместо *Accompaniment*.

инструментальную методику, а также глубокое понимание драматургии произведения, что детерминирует его творчески акцентированную роль в формировании художественной интерпретации солиста.

Подобная многогранность функций трансформирует социальный и профессиональный статус пианиста, возвращая его деятельности исконный престиж и высокий этический ценз^v. В рамках данной междисциплинарной модели статус концертмейстера трансформируется в объект безусловного профессионального престижа, где авторитет специалиста базируется на интеллектуальном лидерстве и экспертной компетентности, что детерминирует аксиологический гомеостаз в ансамблевом сотворчестве.

Концепция *Collaborative Piano* получила академическую легитимизацию благодаря фундаментальному вкладу плеяды выдающихся музыкантов и педагогов, стремившихся разрушить стереотип об «аккомпаниаторе» как о «прочем работнике» учебно-вспомогательного звена, выведенном за рамки реальной педагогической субъектности и институционально закреплённого права на автономное методическое руководство.

Признание «новой дескриптивной модели» в зарубежном музыкальном образовании обусловлено деятельностью ряда ключевых фигур:

Джин Барр (*Jean Barr*) — первый профессор, получивший степень именно по специальности “*Piano Accompanying*” (*USC*). Она активно продвигала термин *Collaborative Piano* в профессиональных организациях (*MTNA*)¹.

Энн Эпперсон (*Anne Epperson*) — профессор (*DMA*), основатель отделения *Collaborative Piano* в “*Cleveland Institute of Music*”, сформировала современный образовательный стандарт этой дисциплины для ведущих консерваторий США.

Мартин Кац (*Martin Katz*). Выдающийся американский пианист, совершивший переворот в методике, закрепив термин *Collaborative Piano*².

Джералд Мур (*Gerald Moore*). Его книга “*The Unashamed Accompanist*”^{vi}, стала первым мощным манифестом в защиту достоинства пианиста-ансамблиста.

Сэмюэл Сандерс (*Samuel Sanders*). Выдающийся американский пианист и педагог; утвердил статус пианиста как полноценного соавтора интерпретации и педагога, отвергнув восприятие концертмейстера как «фона» для солиста^{vii}.

Чачава В.Н. — профессор МГК; в своих работах утверждал статус пианиста как соавтора художественной трактовки произведения³.

Шендерович Е.М. — профессор МГК; детально описал психологию ансамбля и особую роль пианиста как «соавтора» интерпретации⁴.

Курицкая М.Е. — доцент БГАМ на кафедре концертмейстерского мастерства; обосновывает полифункциональность профессии, что коррелирует с тезисом о метапрофессиональных компетенциях^{viii}.

В формировании данной инновационной «философии сотрудничества» фундаментальное значение имеют теоретические изыскания ряда ведущих национальных исследователей (*перечень не является исчерпывающим*):

¹ Национальная ассоциация преподавателей музыки в США, благодаря которой концепция *Collaborative Piano* получила институциональную поддержку (1993-1995 гг.).

² *Martin Katz* - выдающийся американский пианист. / “*The Complete Collaborator: The Pianist as Partner*” (2009 г.).

³ Чачава В.Н. — выдающийся партнер Елены Образцовой. Их творческий тандем, сложившийся в 1977 году, стал для отечественной традиции того времени эталоном равноправного ансамбля; пианист выступал не как аккомпаниатор, а как соавтор художественной концепции, предвосхитив принципы модели *Collaborative Piano*.

⁴ Шендерович Е.М. Профессор Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского. (1986г.). Автор фундаментальных трудов: «Об аккомпанементе пению (1960г.)»; «В концертмейстерском классе: Размышления педагога» (1996 г.).

Абдугаппаров А.А. — руководитель отдела «Контроль качества образования», профессор ГКУз; научные труды автора формируют теоретический фундамент и прикладные механизмы внедрения инновационных технологий в сфере профессиональной подготовки кадров высшей квалификации^{ix}.

Гафурова Н.Ш. — профессор ГКУз, кандидат искусствоведения; ключевая фигура в современной концертмейстерской педагогике. Научно-педагогическая деятельность автора направлена на интеграцию принципов академического обучения с практическим опытом концертмейстерского исполнительства^x.

Кадыров Р.Г. — профессор ГКУз, кандидат педагогических наук; фундаментальные труды автора работ по музыкальной педагогике и психологии детерминировали онтологию сотворчества и определили базовые векторы дидактической коммуникации в системе многоуровневого образования^{xi}.

Казакбаева М.С. — профессор ГКУз, уникальный эксперт в области концертмейстерского искусства; в своих исследованиях автор определяет роль концертмейстера как стратегического наставника и соавтора интерпретации^{xii}.

Миркасымова Э.З. — профессор ГКУз, кавалер ордена «Дустлик»; ведущий специалист, внесший фундаментальный вклад в развитие национальной фортепианной школы и воспитание плеяды выдающихся исполнителей^{xiii}.

Дискуссия. Международный и республиканский опыт исследователей может служить прецедентом для функциональной реконцептуализации системы музыкального образования Узбекистана. В современных условиях назрела необходимость коренного пересмотра основ профессиональной подготовки концертмейстера, где ключевым вектором эволюции функциональной матрицы выступает синтез-трансформация его профиля в специалиста с качественно новым профессиональным статусом — «педагог-концертмейстер».

Нарушение иерархии нормативно-правовых актов и нормативно-правовой дуализм в определении профессионального статуса специалиста:

1. Сравнительный анализ структурных компонентов Приложений №1 и №3 к Постановлению Кабинета Министров Республики Узбекистан № 164 от 01.08.2008 г. (далее — ПКМ № 164) выявил профессионально-правовой диспаритет: расчетные параметры должностного оклада концертмейстеров демонстрируют неэквивалентность тарифной сетке преподавателей^{xiv}.

2. Аргументировано, что институциональный подход, при котором профессиональная нагрузка концертмейстера трактуется как неавтономный учебный компонент с заниженным коэффициентом оплаты труда (относительно ставки преподавателя), является дискриминационным механизмом, закрепляющим нормативную недооценку интеллектуального, творческого и педагогического вклада этого специалиста в формирование профессиональных компетенций^{xv}.

3. Де-юре ПКМ № 164 квалифицирует концертмейстеров как прочих работников высших образовательных учреждений. Де-факто должностные инструкции в рамках данного подзаконного акта нивелируют профессиональный статус специалиста, игнорируя его музыкально-педагогическую субъектность, закрепленную международными стандартами *Collaborative Piano*.

4. Закон «О статусе педагога» № ЗРУ-901 от 01.02.2024 г. является безусловным юридическим императивом, формирующим правовое поле системы непрерывного образования Узбекистана и исключаящим возможность инерционной трактовки профессиональных компетенций: «Педагогом является физическое лицо, осуществляющее в образовательной организации профессиональную деятельность в сфере образования и воспитания на основании трудового договора, заключенного в соответствии с актами законодательства, и имеющее соответствующее образование, профессиональную подготовку и духовно-нравственные качества»^{xvi}.

5. Выявлено противоречие положений ПКМ № 164 от 01.08.2008 г. императивным нормам Закона «О статусе педагога» № ЗРУ-901 от 01.02.2024 г.,

закрепляющим единство профессионально-правового статуса всех субъектов образовательной деятельности и безальтернативно фиксирующим за современным концертмейстером профессиональный статус — педагог^{xvii}.

6. Правовая коллизия требует приведения ПКМ № 164 в строгое соответствие с Законом Республики Узбекистан «О статусе педагога» № ЗРУ-901, имеющим приоритетную юридическую силу. Текущая интерпретация функциональной роли концертмейстера, квалифицируется как нарушение фундаментального международного принципа «равного вознаграждения за труд равной ценности», закрепленного в Конвенции МОТ № 100 и получившего прямое отражение в Трудовом кодексе Республики Узбекистан в новой редакции^{xviii}.

Научная новизна исследования

В свете развития фундаментальных положений профессора Р.Г. Кадырова, М.С. Казакбаевой и др. в отечественном музыковедении впервые осуществлена экспликация профиля «педагога-концертмейстера» через призму концепции *Collaborative piano*. Установлено, что синтез-трансформация данного профиля утверждает его как автономного субъекта музыкально-педагогического процесса.

Теоретически обоснована конвергенция западной модели *Collaborative piano* и восточной традиции принципов архетипической школы воспитания и обучения («Устоз-шогирд»)¹, что формирует легитимизацию интонационно-генетической преемственности предлагаемой модели в национальной образовательной среде^{xix}.

Аргументирована научная верификация и правовое обоснование нового статуса концертмейстера в контексте реформ (ПКМ РУз № 791 от 15.12.2025 г.)^{xx}, что детерминирует устранение правовой дихотомии и институциональную рецепцию его новой профессиональной роли в системе образования Узбекистана.

Выводы.

На основе компаративного анализа международного опыта и актуальной нормативно-правовой базы Узбекистана сформулированы следующие положения:

Институциональная реформа статуса. Пересмотр и нормативно-правовая легитимация профессионального статуса «педагога-концертмейстера» как равноправного и релевантного субъекта образовательного процесса; признание специалистов данной категории стратегическим ресурсом национального человеческого капитала, выступающим гарантом трансляции национального культурного кода, укрепляющим интеллектуальный суверенитет республики в сфере искусства и формирующим творческие ориентиры инновационного развития системы непрерывного музыкального образования в соответствии с актуальными задачами Стратегии «Узбекистан – 2030»^{xxi}.

Дифференцированная оплата труда. Релевантный международный опыт подтверждает эффективность внедрения эквивалентной системы вознаграждения специалиста, базирующейся на высоком уровне профессиональных компетенций, успешной имплементации инновационных методик в учебном процессе и значимых творческих достижениях обучающихся. Данный механизм позволит педагогу-концертмейстеру сфокусироваться на образовательном процессе, нивелирует потребность в совместительстве, а также станет надежным фундаментом для восстановления и утверждения престижа этой профессии.

Заключение. Комплексная институциональная поддержка предложенной концепции выступит фундаментом для успешного воспитания нового поколения творческой элиты Узбекистана и эффективным механизмом удержания высококвалифицированного человеческого капитала; создание достойных условий

¹ Устоз-шогирд – это фундаментальная система музыкального образования в Узбекистане (в частности, в искусстве Макома), предполагающая синкретизм функций педагога и исполнителя, где передача канонического репертуара и исполнительских приемов происходит в процессе непосредственного сотворчества.

труда детерминирует трансформацию потенциала отечественных кадров в мощный стратегический ресурс и обеспечит Узбекистану статус суверенного центра академической и творческой репутации, способного конвертировать культурное наследие в международный инструмент глобального влияния.

Список литературы / References

1. *Абдугантаров А.А.* Инновационные технологии в системе высшего музыкального образования: актуальные вопросы педагогики и исполнительства // Наука, образование и культура. — 2021. — № 4 (58). — С. 52–54.
2. *Гафурова Н.Ш.* Роль и статус концертмейстера в современном музыкально-образовательном пространстве: монография / Н.Ш. Гафурова. — Ташкент: Государственная консерватория Узбекистана, 2019. — 156 с.
3. *Кадыров Р.Г.* Музыкальная педагогика: учебное пособие для вузов / Р.Г. Кадыров. — Ташкент: Музыка, 2009. — 188 с.
4. *Кадыров Р.Г.* Музыкальная психология: учебное пособие для вузов / Р.Г. Кадыров. — Ташкент: Музыка, 2010. — 156 с.
5. *Казакбаева М.С.* Педагогические аспекты деятельности концертмейстера в вузе: монография / М.С. Казакбаева. — Ташкент: Fan va texnologiya, 2012. — 184 с.
6. *Казакбаева М.С.* Особенности работы концертмейстера с узбекскими народными инструментами (на примере «Концерта-рапсодии» композитора М. Бафоева) / М.С. Казакбаева // Наука, образование и культура. — 2017. — № 10 (25). — С. 58–61.
7. *Казакбаева М.С.* Особенности работы концертмейстера с узбекскими народными инструментами / М.С. Казакбаева // Музыкальное искусство вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов / Государственная консерватория Узбекистана. — Ташкент: Musiq, 2020. — С. 142–148.
8. *Казакбаева М.С.* Психологические проблемы сотворчества педагога и ученика в обучении игре на фортепиано // O'zbekistonda oliy ta'lim 2020. — № 5. — С. 118–122.
9. *Миркасымова Э.З.* Становление, развитие, перспективы: (к истории кафедры концертмейстерского мастерства) / Э.З. Миркасымова. — Ташкент: Янги аср авлоди, 1997. — 20 с.
10. *Шендерович Е.М.* В концертмейстерском классе: Размышления педагога / Е.М. Шендерович. — Москва: Музыка, 1996. — 207 с.
11. *Razhbov I.* Maqomlar / I. Razhbov; noshirlar: O. Ibragimov, S. Begmatov. Toshkent: san'at, 2006. 403 p
12. *Hirsch M.W.* Romantic Lieder and the Collaborative Piano / M.W. Hirsch. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 184 p.
13. *Katz M.* The Complete Collaborator: The Pianist as Partner / M. Katz. — New York: Oxford University Press, 2009. — 298 p.
14. *Moore G.* The Unashamed Accompanist / G. Moore. — London: Julia MacRae Books, 1984. — 112 p.
15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/6786403>
16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://music.williams.edu/profile/mhirsch/>
17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.collaborativepianoinstitute.org/about/>
18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/stream/sermongiveyethem00camp#page/8/mode/2up>

ⁱ Dr. Ernest T. Campbell (from a sermon dated 01/25/1970): <https://archive.org/stream/sermongiveyethem00camp#page/8/mode/2up>

ⁱⁱ Collaborative Piano» (коллаборативный пианизм) — современная международная концепция исполнительства, характеризующая деятельность пианиста-ансамблиста как полноправного соавтора интерпретации. Данный термин принят в мировой практике и закреплен в названиях ведущих институций, например: The Collaborative Piano Institute (LSU). Ссылка: <https://www.collaborativepianoinstitute.org/about/>

ⁱⁱⁱ Устоз-шогирд – это фундаментальная система музыкального образования в Узбекистане (в искусстве Макома), предполагающая синкретизм функций педагога и исполнителя, где передача канонического репертуара и исполнительских приемов происходит в процессе непосредственного сотворчества.

^{iv} Razhabov I. Maqomlar / I. Razhabov; noshirlar: O. Ibragimov, S. Begmatov. Toshkent: san'at, 2006. 403 p.

Исхак Раджабов — выдающийся узбекский музыковед-востоковед, доктор искусствоведения, основоположник современной научной школы макомоведения. В его фундаментальном исследовании «Макомы» теоретически обоснованы принципы профессиональной музыки устной традиции, синкретизм исполнительских функций и концепция ансамблевого взаимодействия, что служит историко-теоретическим фундаментом для реактуализации традиции «Устоз — шогирд» в современном музыкальном образовании Узбекистана.

^v В эпоху барокко и классицизма (в творчестве И.С. Баха, В.А. Моцарта, Л. ван Бетховена) пианист-ансамблист не являлся «фоном». Это был мастер-универсал, композитор и наставник. Понятие «исконный престиж» в данном контексте — это апелляция к историческому периоду, когда роль концертмейстера (клавириста) была детерминирующей — ключевой в создании музыкальной ткани.

^{vi} Moore G. “The Unashamed Accompanist” — London: Ascherberg, Hopwood & Crew, 1943. — 84 p. [1].

^{vii} Sanders S. Collaborative Piano: A Professional Perspective. – New York: Juilliard School of Music, 1980 (выдающийся американский пианист и педагог, внедривший термин Collaborative Piano (Соавтор-Пианист) вместо Accompaniment).

^{viii} Курицкая М.А. Доцент кафедры концертмейстерского мастерства Белорусской государственной академии музыки (БГАМ), ведущий современный исследователь феномена концертмейстерской деятельности. Концертмейстерская деятельность как творческая система / М. А. Курицкая // Вопросы музыковедения и музыкальной педагогики: научные труды Белорусской государственной академии музыки / сост.: Л.А. Волкова, Н.В. Мацаберидзе. — Минск: БГАМ, 2016. — Вып. 39. — С. 132–138.

^{ix} Абдугаппаров А.А. Заслуженный наставник молодежи Республики Узбекистан. Профессор Государственной консерватории Узбекистана. Кандидат педагогических наук. Руководитель отдела «Контроль качества образования». Указом Президента Республики Узбекистан от 24 августа 2021 года награжден медалью «Шухрат». Абдугаппаров А. А. Инновационные технологии в системе высшего музыкального образования: актуальные вопросы педагогики и исполнительства // Наука, образование и культура. — 2021. — № 4 (58). — С. 52–54. Научные изыскания автора формируют теоретический фундамент и прикладные механизмы внедрения инновационных технологий в сфере профессиональной подготовки кадров высшей квалификации, что создает предпосылки для реализации модели «эквивалентного партнерства» в современном музыковедении.

^x Гафурова Н.Ш. Профессор Государственной консерватории Узбекистана на кафедре концертмейстерского мастерства. Кандидат искусствоведения. Является автором ряда научных трудов, посвященных специфике работы пианиста-концертмейстера в системе высшего образования. Научно-педагогическая деятельность автора направлена на интеграцию принципов академического обучения с практическим опытом концертмейстерского исполнительства. Статус данного исследователя (при активной концертмейстерской практике) подтверждает тезис о том, что деятельность концертмейстера сегодня выходит далеко за рамки «сопровождения» и является полноценной областью научной деятельности и музыкальной педагогики.

Гафурова Н.Ш. Роль и статус концертмейстера в современном музыкально-образовательном пространстве: [монография] / Н. Гафурова. — Ташкент: Государственная консерватория Узбекистана, 2019. — 156 с.

^{xi} Кадыров Р.Г. Профессор Государственной консерватории Узбекистана. Кандидат педагогических наук. Музыковед. Член Союза композиторов и бастакоров Узбекистана.

Заслуженный наставник молодежи Республики Узбекистан». Награды: «Заслуженный наставник молодежи Республики Узбекистан», Медаль «Патриот культуры и искусства» — за многолетний вклад в развитие культуры и музыкального образования Узбекистана.

Кадыров Р.Г. Музыкальная педагогика: Учебное пособие для вузов. — Ташкент: Музыка, 2009. — 188 с.

Кадыров Р.Г. Музыкальная психология: Учебное пособие для вузов. — Ташкент: Музыка, 2010. — 156 с.

^{xii} Казакбаева М.С. - профессор Государственной консерватории Узбекистана на кафедре концертмейстерского мастерства, декан факультета "Музыкальное искусство". Лауреат республиканского конкурса. Дипломант международного конкурса. Награждена сертификатом «Гасанно» за плодотворную концертную деятельность.

Казакбаева, М.С. Педагогические аспекты деятельности концертмейстера в вузе: монография / М.С. Казакбаева. — Ташкент: Fan va texnologiya, 2012. — 184 с.

Казакбаева М.С. Особенности работы концертмейстера с узбекскими народными инструментами (на примере «Концерта-рапсодии» композитора М. Бафоева) / М.С. Казакбаева. — Текст: непосредственный // Наука, образование и культура. — 2017. — № 10 (25). — С. 58–61.

Казакбаева, М.С. Особенности работы концертмейстера с узбекскими народными инструментами / М. С. Казакбаева. — Текст: непосредственный // Музыкальное искусство вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов / Государственная консерватория Узбекистана. — Ташкент: Musiq, 2020. — С. 142–148.

Казакбаева, М. С. Психологические проблемы сотворчества педагога и ученика в обучении игре на фортепиано / М. С. Казакбаева. — Текст: непосредственный // O'zbekistonda oliy ta'lim. — 2020. — № 5. — С. 118–122.

^{xiii} Миркасымова Э.З. Профессор Государственной консерватории Узбекистана. Выдающаяся пианистка и педагог-наставник, выпускница класса профессора Э. Вирсаладзе в МГК им. П. И. Чайковского. Лауреат международных конкурсов в Италии и Узбекистане. Награждена государственным орденом «Дустлик» (2021г.). Награда присуждена в честь 30-летия независимости Узбекистана за многолетнюю плодотворную работу в сфере культуры и образования. Внесла фундаментальный вклад в развитие национальной исполнительской школы. Сформировала уникальную методическую базу для подготовки современных пианистов-солистов и ансамблистов. Первой провела исследование истории и перспектив кафедры концертмейстерского мастерства ГКУз (1997г.).

Миркасымова, Э. З. Становление, развитие, перспективы: (к истории кафедры концертмейстерского мастерства) / Э.З. Миркасымова. — Ташкент: Янги аср авлоди, 1997. — 20 с.

^{xiv} Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 164 от 01.08.2008 г. «Об утверждении усовершенствованной системы оплаты труда работников высших образовательных учреждений республики» — действующий нормативный акт, регулирующий систему оплаты труда в высших образовательных учреждениях, включая статус и оклады концертмейстеров. — URL: lex.uz (дата обращения: 03.05.2026).

^{xv} Положение о порядке формирования штатных расписаний управленческого, технического, обслуживающего и учебно-вспомогательного персонала высших образовательных учреждений (приложение № 3 к Постановлению Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об утверждении усовершенствованной системы оплаты труда работников высших образовательных учреждений республики» от 01.08.2008 г. № 164) — URL: lex.uz (дата обращения: 03.05.2026).

^{xvi} Закон Республики Узбекистан «О статусе педагога» № ЗРУ-901 от 01.02.2024 г. (Статья 3).

Ссылка: <https://lex.uz/ru/docs/6786403> — URL: lex.uz (дата обращения: 03.05.2026).

^{xvii} В нормативной базе высшего образования Узбекистана статус концертмейстеров детерминирован как «прочие работники». В контексте ПКМ №164 от 01.08.2008 г. этот факт юридически определяет данных высококвалифицированных специалистов как учебно-вспомогательный персонал, что вступает в прямую юридическую коллизию с императивными нормами Закона «О статусе педагога» № ЗРУ-901 от 01.02.2024 г.

^{xviii} Конвенция № 100 Международной организации труда «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» (принята в г. Женеве 29.06.1951 г.) //

Ратифицирована Постановлением Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 30.08.1997 г. № 492-I. — URL: ilo.org (дата обращения: 03.05.2026).

^{xix} Знание — в восточной традиции воспринимается как «аманат» (ценность, вверенная на хранение).

Архетипность здесь заключается в том, что музыкальный опыт передается «из уст в уста», «от сердца к сердцу» (интонационно-генетически), что делает роль наставника-партнера (концертмейстера) сакрально значимой.

^{xx} Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 791 от 15.12.2025 г. — «В целях обеспечения исполнения статьи 18 Закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» и Указа Президента Республики Узбекистан от 25 ноября 2025 года № УП-231 «Об устранении правовых пробелов в законодательстве и снижении регуляторной нагрузки», а также в целях систематизации законодательной базы и взаимного согласования законодательных актов...». — URL: lex.uz (дата обращения: 03.05.2026).

^{xxi} Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии „Узбекистан – 2030“» № УП-158 от 11 сентября 2023 года // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (Lex.uz). — Ташкент, 2023. — [Электронный ресурс]. — URL: lex.uz (дата обращения: 03.05.2026).

АРХИТЕКТУРА

ОРНАМЕНТ В АРХИТЕКТУРЕ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПРАКТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Приемец О.Н.¹, Асылхан К.К.²

¹Приемец Оксана Николаевна — ассоциированный профессор, PhD,

²Асылхан Карина Канаткызы — магистрант,
Школа архитектуры, КазГАСА, Международная образовательная корпорация,
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация: в статье рассматривается орнамент в архитектуре как инструмент культурной идентичности и как функционально-технологический слой оболочки здания. На основе сравнения предложена методология внедрения орнамента в архитектуру Казахстана, ориентированная на отказ от стилизации и переход к тектоничным, функционально обоснованным решениям в городской среде.

Ключевые слова: орнамент, культурная идентичность, Казахстан, фасад, солнцезащита, панжара, адаптивные оболочки.

ORNAMENT IN THE ARCHITECTURE OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF WORLD PRACTICE: COMPARATIVE EXPERIENCE AND DEVELOPMENT PROSPECTS Priemets O.N.¹, Asylkhan K.K.²

¹Priemets Oksana Nikolaevna — Associate Professor, PhD,

²Asylkhan Karina Kanatkyzy — Master's student,
SCHOOL OF ARCHITECTURE, KAZGASA INTERNATIONAL EDUCATIONAL CORPORATION,
ALMATY, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: The article examines ornament in architecture as a tool of cultural identity and as a functional and technological layer of the building envelope. Based on the comparison, the article proposes a methodology for introducing ornament into the architecture of Kazakhstan, oriented toward abandoning stylization and moving to tectonic and functionally justified solutions in the urban environment.

Keywords: ornament, cultural identity, Kazakhstan, facade, solar shading, panjara, adaptive envelopes.

УДК 72.016.4(574)

Унификация городской среды в условиях глобализации делает особенно востребованными проектные инструменты, которые возвращают городу визуальную узнаваемость и «привязку к месту». Подход критического регионализма предлагает не отказываться от современной архитектуры, а опосредовать «универсальную цивилизацию» локальными природно-климатическими и культурными особенностями, чтобы архитектурная форма сохраняла связь с контекстом, а жилое пространство становилось психологически комфортным и «своим» для горожанина [1].

Орнамент в архитектуре Казахстана — один из наиболее заметных носителей культурного кода: он воспринимается быстро, работает на уровне повседневного опыта, влияет на эмоциональное качество среды. Вместе с тем орнамент в проектной практике нередко оказывается редуцирован до «накладной этники», а в профессиональном дискурсе продолжает ощущаться инерция модернистской

критики, трактовавшей орнамент как признак технологической и культурной «отсталости» [2]. В казахстанской научной традиции исследование орнамента в архитектуре имеет фундаментальную основу, что позволяет рассматривать орнамент не как вторичный декор, а как осмысленный проектный ресурс [3].

Цель исследования — выявить проектные стратегии применения орнамента на стыке идентичности и технологии и предложить методологию внедрения орнаментальных мотивов в архитектуру Казахстана на основе сравнительного опыта.

Задачи: уточнить роль орнамента как культурного кода и как элемента оболочки здания; проанализировать опыт Ташкента как пример формирования идентичности через орнаментальные системы в архитектуре XX века и их современную интерпретацию; рассмотреть зарубежный пример, где орнамент работает как адаптивная климатическая технология; выполнить сравнительный анализ и сформировать прикладную методологию для Казахстана.

Объект исследования — архитектура как носитель культурной идентичности в городской среде. Предмет исследования — приемы интеграции орнамента в архитектурную форму, фасад и оболочку.

Методы исследования: визуально-типологический анализ уровней интеграции орнамента в фасад, деталь и оболочку; сравнительный анализ; семиотическая интерпретация орнамента как системы знаков и культурной памяти.

Научная новизна состоит в сопоставлении двух полюсов применения орнамента — идентичности и функции/технологии — на конкретных кейсах, а также в формулировании методологии, позволяющей в проектировании Казахстана избегать «псевдоэтники» и переводить орнамент в тектонические и климатически оправданные решения.

Практическая значимость заключается в том, что предложенный алгоритм и критерии применимы в архитектурном проектировании, в том числе в проектах обновления фасадов, входных групп и общественных пространств жилых районов.

Пример СНГ: Ташкент — орнамент как идентичность в современной архитектуре

Городская идентичность Ташкента во многом сформирована послеземлетрясенным этапом модернизации второй половины XX века, когда индустриальные технологии строительства сочетались с обращением к локальной культуре. В номинации «Tashkent Modernist Architecture» в Предварительном списке Всемирного наследия ЮНЕСКО подчеркивается, что архитектура 1960–1990-х годов демонстрирует встречу европейской и центральноазиатской культур и формирует собственный визуальный язык, где индустриальная строительная технология гармонично смешивается с местными традиционными искусствами и культурой изображения [4].

Для контекста Казахстана этот опыт важен по двум причинам. Во-первых, он показывает, что орнаментальность может быть встроена в крупные общественные типологии без утраты модернистской ясности. Во-вторых, он демонстрирует возможную роль орнамента как переводчика между индустриальной архитектурой и культурной памятью региона: орнамент работает не только как знак, но и как конструктивно-климатический экран, формирующий светотень, ритм и восприятие масштаба.

Кейс 1 — Государственный музей истории Узбекистана (бывший музей Ленина): проектирование 1968–1969 гг., строительство 1969–1970 гг. В описании ЮНЕСКО подчеркивается, что здание соединяет элементы модернистской, классической и традиционной архитектуры и интегрирует инновации, включая префабрикацию и curtain wall, с декоративными мотивами Центральной Азии, в том числе с системой солнцезащитных экранов «панжара» [5].

Кейс 2 — гостиница «Узбекистан»: проектирование 1963–1974 гг., строительство 1969–1974 гг. ЮНЕСКО описывает объект как архитектурную икону столицы. В

архитектурном анализе отмечается, что гостиница является одним из наиболее узнаваемых объектов ташкентского модернизма, а ее выразительность во многом построена на едином повторяемом фасадном экране по криволинейному объему [6].

Вывод по ташкентскому примеру: орнамент проявляется не как прикладная наклейка, а как функционально-композиционная система экрана или панели, одновременно работающая на светотень и на культурную отсылку. Для Казахстана этот опыт особенно релевантен в задачах обновления городской среды.

Зарубежный пример: орнамент как функция и технология

Зарубежная практика последних десятилетий показывает, что орнамент может возвращаться в архитектуру не как историческая стилизация, а как технология управления светом и теплом, то есть как интеллектуальная оболочка.

Показателен кейс Al Bahar Towers: внешняя система машрабия названа в инженерном описании проекта современной интерпретацией традиционных солнцезащитных экранов исламской архитектуры. Указывается, что это внешняя подвижная система, примененная к башням сложной геометрии; она закрывает восточный, южный и западный фасады, снижая солнечные теплопритоки и позволяя использовать прозрачное остекление от пола до потолка. В каждой башне установлено 1049 устройств mashrabiya [7].

Важно, что здесь орнамент не рисуется на плоскости, а проектируется как система: культурная логика задает геометрию, климатическая задача — сценарии раскрытия, инженерная устойчивость — узлы, испытания и регламент управления. По материалам проекта модульная система открывается и закрывается в зависимости от положения солнца, а снижение поглощения солнечной энергии оценивается примерно в 20 % [8].

Научные исследования адаптивных фасадов рассматривают Al Bahar как репрезентативный пример кинетической оболочки: выделяются фазы реализации, раскрываются испытания и прототипирование, приводятся свойства компонентов, включая PTFE-панели, а также вариативность геометрии по фасаду [9]. Наконец, в профессиональной литературе по динамическим фасадам этот кейс используется для обсуждения того, как переводить сложную геометрию и алгоритмическую логику в понятный язык междисциплинарной коммуникации, необходимый для реализации инновационных оболочек [10].

Таким образом, зарубежный пример демонстрирует расширение понятия орнамента: он становится адаптивной системой фасада, синхронизирующей эстетику, культуру и энергетику здания.

Сравнительный анализ

Ташкентский и зарубежный кейсы демонстрируют разные основания орнамента. В Ташкенте орнамент якорит идентичность модернистских типологий через экран или панель: он формирует образ места и переводит традицию в архитектурный модуль — ритм, светотень, масштаб. В Al Bahar орнамент — прежде всего климатическая машина, чья эстетика производна от функции и технологии, однако культурная отсылка к машрабии помогает легитимировать технологию как местный образ.

Таблица 1. Сравнение подходов к орнаменту: идентичность и технология.

Критерий	Ташкент (музей истории / гостиница «Узбекистан»)	Al Bahar
Роль орнамента	Культурный код, узнаваемость места, связь модернизма и традиции	Функциональная оболочка (адаптивная солнцезащита) + культурная отсылка
Степень интеграции	Интегрирован в оболочку как экран/панель (панжара, brise-soleil)	Интегрирован как внешняя кинетическая «вторая кожа»
Масштаб	От крупного модуля фасада до целостной композиции здания	Вся оболочка здания (сектора управления, повторяемые элементы)
Технологичность	Индустриальные панели + декоративный мотив (гибрид модернизма)	Сенсоры, программное управление, прототипирование, испытания
Эффект для среды	Узнаваемость и культурная маркировка городского образа	Комфорт, дневной свет, энергосбережение при сохранении выразительности
Риски	Сведение мотива к декору; утрата смысла при ремонтах и облицовках	Высокая стоимость, сложность эксплуатации, риск отказов, сервисная зависимость

Сопоставление показывает, что для Казахстана продуктивен средний путь: орнамент должен быть культурно обоснован, по возможности функционален (светотень, климат, комфорт), технологически реализуем в местной производственной базе и спроектирован как часть жизненного цикла здания.

Предлагаемая методология внедрения орнамента в архитектуру Казахстана

Предлагаемая методология направлена на переход от декоративной стилизации, когда орнамент работает как прикладная картинка, к проектированию орнамента как системы: смысл → функция → узел → производство → эксплуатация. Такой подход релевантен и для реабилитации жилого пространства — при обновлении фасадов, входных групп, дворовых пространств, общественных интерьеров и малых форм.

Алгоритм внедрения включает следующие шаги:

- 1) анализ контекста и задачи;
- 2) определение семантики мотива;
- 3) выбор уровня интеграции;
- 4) функционализация;
- 5) разработка модуля и тектоники;
- 6) выбор материала и технологии;
- 7) прототипирование;
- 8) проверка читаемости и этики;
- 9) регламент реализации и эксплуатации.

Критерии качества орнаментального решения: контекстность, семантическая обоснованность, тектоничность, функциональность, масштабность, технологичность, долговечность и обслуживаемость, экономичность жизненного цикла, безопасность, устойчивость к визуальному обесцениванию.

Типология приемов для Казахстана включает экран-перфорацию как солнцезащиту, орнаментальные ограждения и парапеты, портал и входную группу в масштабе человека, рельефные панели с работой на светотень, керамику, терракоту, майолику и металл как локальные материалы, а также интерьерную навигацию и графику на основе орнаментальной сетки.

Перспективы развития связаны с цифровым изготовлением, климатоориентированными оболочками и разработкой образовательных и нормативно-методических рекомендаций по работе с национальными мотивами, чтобы снизить риск стилизации и повысить конструктивную культуру.

Орнамент в архитектуре способен работать в двух взаимодополняющих режимах: как маркер культурной идентичности и как функционально-технологическая система оболочки. Опыт Ташкента показывает, что орнаментальные мотивы типа панжары могут быть встроены в модернистские типологии через панель или экран, формируя узнаваемость и связь с традицией на уровне фасадного модуля и светотени. Зарубежный пример Al Bahar демонстрирует, что орнамент может быть фасадной машиной, повышающей комфорт и энергоэффективность за счет адаптивного затенения.

Для архитектуры Казахстана перспективна методология, где орнамент проходит путь от смысла к узлу: выбор мотива → функционализация → модуль → материал → прототип → эксплуатация. Такая логика позволяет избегать псевдоэтники и переводит орнамент в дисциплинированный архитектурный язык, который одновременно поддерживает культурную идентичность и повышает качество городской среды.

Список литературы / References

1. *Frampton K.* Towards a Critical Regionalism: Six Points for an Architecture of Resistance // *The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture.* Seattle: Bay Press, 1983. P. 16–30.
2. *Loos A.* Ornament and Crime // *Programs and Manifestoes on 20th-Century Architecture* / ed. by U. Conrads. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1970. P. 19–24.
3. *Басенов Т.К.* Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. 97 с.
4. Tashkent Modernist Architecture. Modernity and Tradition in Central Asia [Электронный ресурс] // UNESCO World Heritage Centre. URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6708/> (дата обращения: 01.05.2026).
5. State Museum of the History of Uzbekistan [Электронный ресурс] // UNESCO World Heritage Centre. URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6708/> (дата обращения: 01.05.2026).
6. Uzbekistan Hotel [Электронный ресурс] // UNESCO World Heritage Centre. URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6708/> (дата обращения: 01.05.2026).
7. The Al Bahr Towers [Электронный ресурс] // СТБУН. URL: <https://www.ctbuh.org/buildings/al-bahr-towers> (дата обращения: 01.05.2026).
8. Engineering the Al Bahr Towers [Электронный ресурс] // Arup. URL: <https://www.arup.com/projects/al-bahr-towers/> (дата обращения: 01.05.2026).
9. *Attia S.* Evaluation of Adaptive Facades: The Case Study of Al Bahr Towers in the UAE // *QScience Connect.* 2017. No. 2. Article 6.
10. *Moloney J., Bolton M., Steadman P.* Innovations in Dynamic Architecture // *Journal of Facade Design and Engineering.* 2015. Vol. 3. No. 2. P. 185–221.

УСАДЬБА ГОЛИЦЫНА — ВЯЗЕМСКОГО — ДОЛГОРУКОВЫХ В ПРОЕКТЕ МУЗЕЙНОГО ГОРОДКА ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА Половцев И.Н.

*Половцев Игорь Николаевич – генеральный директор
ООО «Архитектурная мастерская Сахновского»,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация: статья посвящена истории развития проекта реконструкции усадьбы С.А. Голицына — А.И. Вяземского — И.Г. Покровского — Н.В. и П.Д. Долгоруковых, как составной части мегапроекта создания музейного города Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в центре Москвы. Усадебный дом XVIII века, расширенный в 20-х годах XX века пристройкой двух флигелей в настоящее время приспособляется для размещения картинной галереи старых мастеров. Для этого под частью усадебной территории возводятся четырехэтажное подземное выставочное пространство. В статье описываются этапы развития этого проекта.

Ключевые слова: музей, выставочные пространства, архитектура, реконструкция, проект реставрации, современное использование памятника, подземное строительство, ГМИИ, музейный городок, Иван Цветаев, Роман Клейн, Норман Фостер, Ирина Антонова.

THE GOLITSYN-VYAZEMSKY-DOLGORUKOV ESTATE IN THE A.S. PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS MUSEUM PROJECT Polovtsev I.N.

*Polovtsev Igor Nikolaevich – General Director
SAKHNOVSKY ARCHITECTURAL WORKSHOP,
ST. PETERSBURG*

Abstract: the article examines the development of the reconstruction project for the S.A. Golitsyn, A.I. Vyazemsky, I.G. Pokrovsky, N.V., and P.D. Dolgorukov estate, as part of the megaproject to create a museum city for the A.S. Pushkin State Museum of Fine Arts in central Moscow. The 17th-century estate house, expanded in the 1920s with the addition of two outbuildings, is currently being converted to house an Old Masters art gallery. To this end, a four-story underground exhibition space is being constructed beneath part of the estate grounds. The article describes the development stages of this project.

Keywords: museum, exhibition spaces, architecture, reconstruction, restoration project, contemporary use of the monument, underground construction, Pushkin Museum of Fine Arts, museum town, Ivan Tsvetaev, Roman Klein, Norman Foster, Irina Antonova.

УДК 069.23(470-25)+727.7:7
DOI 10.24411/2304-2338-2026-10501

Введение

Музеи, как места хранения и экспонирования важных для истории и культуры народа объектов со временем требуют расширения и реконструкции. Это связано с пополнением фондов, и возникающей потребности как в новых хранилищах, так и в новых экспозиционных площадях. Современные методы хранения и реставрации требуют от музейных зданий возможность разместить современное инженерное оборудование. Все это приводит к необходимости реконструкции, обновлению

музейных зданий, для возможности музеям соответствовать реалиям и требованиям современности.

Этапы формирования музея.

История одного из крупнейших мировых музеев – Государственного музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина начиналась с организованного в 1848 году Кабинета изящных искусств и классических древностей при историко-филологическом факультете Московского университета [1].

Стараниями ординарного профессора по кафедре теории и истории искусства Московского университета, археолога, филолога и искусствоведа, тайного советника Ивана Владимировича Цветаева [2] и промышленника, мецената, тайного советника Юрия Степановича Нечаева-Мальцова [3] в начале XX века на территории бывшего Колымажного (каретного) двора был создан Музей изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете. В качестве архитектора музея Московский университет выбрал разделившего с Петром Самойловичем Бойцовым [4] четвертое место в конкурсе проектов, приводемом Императорской академией художеств, 38-летнего архитектора Роберта Юлиуса (Романа Ивановича) Клейна [5]. В сооружении здания принимали участие и выдающиеся российские инженеры: Иван Иванович Рерберг (наблюдение за строительством и отчетность) и Владимир Григорьевич Шухов (проектирование перекрытий кровли) [6]. Открылся музей 12 июня (31 мая по старому стилю) 1912 года в присутствии Императора Николая II и членов царской фамилии благодаря многим дарителям, принявшим участие в формировании первоначальной музейной коллекции [7].

После революции 1917 года некоторое время музей оставался в составе Московского университета, а в 1923 году был выделен в самостоятельное учреждение – Государственный музей изящных искусств. С 1932 года музей носит имя музея изобразительных искусств, а в 1937 году получил имя Александра Сергеевича Пушкина.

После революции фонды музея активно пополняются. И уже в 30-х годах одновременно с вопросом о передвигке здания музея ближе к Гоголевскому бульвару в связи со строительством Дома Советов, ставится вопрос о создании музейного городка [8]. Начавшаяся Великая Отечественная война и прекращение строительства Дома Советов позволили оставить музей на своем месте.

В 1948 году ликвидируется филиал музея - Государственный музей нового западного искусства, образованный в 1923 году слиянием Первого музея новой западной живописи, созданного на базе коллекции Сергея Щукина и Второго музея новой западной живописи, созданного на базе коллекции Ивана Морозова. Экспозиция ликвидированного музея делится между Государственным Эрмитажем и Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина [9].

Большой вклад в развитие музея сделала возглавлявшая его с 1961 года Ирина Александровна Антонова. При ней музей становится одним из главных культурных центров Москвы. Она смогла добиться передачи музею 18 близлежащих зданий, в которых разместились Музей личных коллекций, Галерея искусства Европы и Америки XIX–XX вв., Центр эстетического воспитания детей и юношества («Мусейон») и целый ряд других, где расположились музейные службы [10].

Проект музейного городка.

К вопросу создания музейного городка, позволяющего разместить обширные коллекции Государственного музея изобразительных искусств для возможности их осмотра посетителями государство смогло вернуться только в начале XXI века благодаря активной позиции директора музея Ирины Александровны Антоновой [11].

Приглашенный ею архитектор Норман Фостер, сотрудничавший экспериментальным проектным институтом Моспроект-5 Сергея Борисовича Ткаченко в 2006 году предложил концепцию «музейного городка», которая была

представлена широкой публике в 2008 году на XI Венецианской Архитектурной Биеннале. По замыслу Фостера десяток разрозненных зданий, полученных музеем планировалось объединить едиными подземной и надземной прогулочно-парковой зонами, сделать выход в городок непосредственно из метро [12, 13, 14]. Усадьба Вяземских-Долгоруковых превращалась в картинную галерею XIX–XXI веков, дом Стуловых – под выставочное пространство общественные зоны. За зданием музея личных коллекций планировалось возвести фондохранилище, а не месте автозаправочной станции – «жемчужину проекта» – пятизальный выставочный комплекс «Пятилистник».

Признание «кремлевской автозаправочной станции» выявленным объектом культурного наследия (как единственного реализованного объекта строительства Дома Советов) поставило под сомнение возможность реализации предложенного Фостером проекта.

В связи с отказом Нормана Фостера от дальнейшего участия в проекте, Марина Девовна Лошак, сменившая в 2013 году на посту директора музея И.А. Антонову, провела новый конкурс на концепцию музейного городка, который выиграла возглавляемая Юрием Эдуардовичем Григоряном архитектурное бюро «Меганом» (ООО «Проект Меганом») [15]. Центром данной концепции стал Депозитарно-реставрационный выставочный центр, размещавшийся в глубине квартала, между музеем личных коллекций, центром эстетического воспитания «Музейон» и домом Стуловых.

Ввиду обширности проектных работ они были распределены между различными проектными группами.

Архитектурное бюро «Меганом» (ООО «Проект Меганом») занимается проектом Депозитарно-реставрационного и выставочного комплекса, общей площадью 20 500 кв. метров, выставочная площадь – ок. 2 000 кв. метров. [16]

Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (ФГУП «ЦНРПИМ») разрабатывают проекты реконструкции Главного дома усадьбы князей Голицыных (архитектор С.И. Чевакинский 1759, реконструирован в 1929, общая площадь: 6 584 кв. метров, экспозиционная площадь: 3 025 кв. метров) и доходного дома братьев Николая и Петра Стуловых (арх. В.Е. Дубовской, Н.А. Архипов, И.И. Нивинский, 1913–1914, общая площадь: 9 485 кв. метров, выставочная площадь: 2 078 кв. метров)

Наиболее большим и сложным проектом реконструкции усадьбы С.А. Голицына — А.И. Вяземского — И.Г. Покровского — Н.В. и П.Д. Долгоруковых (общая площадь до реконструкции: 8 820 кв. метров, площадь после реконструкции: 26 700 кв. метров, экспозиционная площадь 6 677 кв. метров) занялось Акционерное общество «БалтСтрой» (ГАП Е.А. Верещагина, В.Д. Голуб, ГИП И.П. Кузнецов, арх. И.Г. Кудрина, Н.Л. Жабинская и др.) и сменившее ее в 2017-м году Архитектурная мастерская Сахновского (ООО «АМС» директор И.Н. Половцев, руководитель мастерской В.А. Сахновский), которая в содружестве с Проектным институтом «Геореконструкция» (директор д.г.-м.н. проф., А.Г. Шашкин) и рядом других крупных проектных организаций (НИИОСП им. Н.М. Герсванова, НИИЖБ им А.А. Гвоздева, ЦИТП им. Я.В. Косицкого, ПСК Технология, КБ Спецпроект, НЭЛТ-Проект-Реализация, ОСК ПРОЕКТ, НПО Санпроектмонтаж, ООО «Корунд», ИП В.А. Ивановым и другими) смогло завершить проект и получить в 2018 году на него положительное заключение государственной экспертизы [17].

Сложность проекта приспособления усадебного комплекса для современных нужд заключается в создании под зданием усадьбы и части парка двух-четырёх этажного подземного пространства, в котором планируется разместить как помещения для хранения экспонатов и реставрационные помещения, так и выставочные залы. Нижняя отметка фундамента подземных конструкций находится на уровне семнадцати метров от уровня земли, что позволяет относить комплекс уникальным сооружениям.

История усадьбы

Здание усадьбы Голицына — Долгоруковых расположено в непосредственно за зданием музея и занимает участок, ограниченный Большим и Малым Знаменскими и Колымажным переулками, а с юга – городской застройкой. На территории площадью 12,5 тысяч квадратных метров расположено главное здание усадьбы – двухэтажный кирпичный дом с двумя трехэтажными флигелями, двухэтажный каменный дом – копия домика Ф. Энгельса в Манчестере, а также остатки усадебного парка, деревянная сторожка и каменная ограда с украшенными кованными узорами воротами.

Первым установленным владельцем усадьбы во второй половине XVII столетия был стольник Федор Михайлович Толчанов. Вероятно тогда, в глубине двора и были построены каменные палаты с парадным восточным фасадом, обращенным в сторону Малого Знаменского переулка. Первоначальная этажность палат доподлинно неизвестна. Предположительно к раннему периоду относится нижний этаж, верхний мог быть деревянным. Существующий второй этаж, вероятно, надстроен уже в XVIII столетии.

В конце XVIII столетия усадьба была разделена между разными ветвями семьи Голицыных. Одной частью до 1753 года владел прапорщик кадетского корпуса Александр Петрович Голицын, затем его вдова княгиня Мавра Алексеевна Голицына и светлейшая княгиня Елизавета Петровна Меншикова (1753–1763), а также вдова секунд-майора Прасковья Ивановна Матюшкина (1763–1790). Второй частью владел князь, тайный советник Сергей Алексеевич Голицын (до 1758), его сын полковник князь Алексей Сергеевич Голицын (1758–1765) и невестка Анна Ивановна Голицына урожденная Бибикова (1765–1790). С 1790 года упоминание двух владений прекращается, что может свидетельствовать об объединении участка княгиней Евгенией Ивановной Вяземской (1796–1802), а также действительным статским советником, князем Андреем Ивановичем Вяземским (1802–1807). В 1807–1810 годах усадьбой владеет поэт Петр Андреевич Вяземский. В 1810 году усадьба переходит к генерал-майору Алексею Тимофеевичу Тутолмину, а в 1818 – к купцу 1-й гильдии Алексею Андреевичу Кирьякову. В 1827–1833 годах усадьбой владеет гвардии поручик Иван Герасимович Покровский, в 1833–1843 – действительный статский советник Агей Васильевич Абаза. В середине XIX века владельцами являются отставной штабс-капитан Афанасий Алексеевич Столыпин (1843–1866) и его сын, штаб-ротмистр Алексей Афанасьевич Столыпин (1866–1868). В 1875–1876 годах вокруг усадьбы по проекту архитектора Н.Тютюнова сделали новую каменную ограду, сохранившуюся до настоящего времени.



Рис. 1. Усадебный дом. Из книги: Москва. Вид с Храма Христа Спасителя в 1867 году. Москва: Типо-лит. И.Н. Кушнера и К, 1867. 26 с.

В 1868 году усадьба переходит во владение рода Долгоруковых. На рубеже XX века в ходе капитального ремонта главный фасад был украшен пилястрами, лепниной, вазами на аттиковых стенах, декоративными решетками на кровле и балконе.



Рис. 2. Дом Долгоруких в М.Знаменском переулке. Общий вид. 1910-е годы. Из материалов ФГБУК "Государственный исторический музей".

До 1906 года усадьбой владеет жена действительного статского советника княгиня Наталья Владимировна Долгорукова, урожденная графиня Орлова-Давыдова. При ней, в 1900 году к воротам, расположенным по Малому Знаменскому переулку пристроили небольшого размера деревянную одноэтажную сторожку, в которой жил дворник, с калиткой в каменной оgrade. После ее смерти в 1906 году до революции 1917 года владельцами являлись князья Петр и Павел Дмитриевичи Долгоруковы, граф Сергей Владимирович Орлов-Давыдов, графы Дмитрий и Владимир Николаевичи Орловы-Давыдовы их сестра Наталья Николаевна Мейендорф.

Институт и музей Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

После Октябрьской революции усадьбу Долгоруковых национализировали, и в 1921 году передали вновь созданному институту К. Маркса и Ф. Энгельса.

Институт возглавил социал-демократ, выдающийся ученый, знаток истории марксизма и рабочего движения, архивист, библиограф, правозащитник, талантливый организатор научно-исследовательской деятельности академик Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) [18]. Благодаря его активной работе коллекции института активно полонялись, что потребовало больших площадей, чем было в здании.

В связи с решением пленума ЦК РКП (б) о создании музея «по марксизму» в 1925-1927-х годах к главному дому усадьбы были пристроены два крыла-флигеля. Проект был выполнен архитектором С.Н. Грузенбергом и инженером Мордовиным.

В 1925 году было построено правое крыло, представлявшее собой прямоугольный вытянутый по оси с запада на восток трехэтажный объем с подвалом, соединявшийся с главным домом переходом. Восточные стены, обращенные в сторону парадного двора, были декорированы в формах основного объема главного дома.

Главный фасад пристройки имел ризалит, по центральной оси которого размещался вход. Центром планировочной композиции здания служило пространство парадных лестниц, около которых размещались помещения рекреации и коридор, около которого находились кабинеты, читальные залы.

Левая пристройка была вытянута по оси, ориентированной с запада на восток и была несколько меньшей длины, восточный торцевой фасад был выдвинут на одну линию с фасадом правой пристройки. Два оконных проема с центральным входом между ними первого этажа ризалита восточного фасада имели полуциркульное завершение. Над цокольным этажом возвышался портик со сдвоенными пилястрами в центре и одиночными по бокам. За фронтоном возвышался аттик, украшенный по бокам декоративными вазами двух типов.

Северный фасад пристройки был более скромно декорирован. Все оконные проемы имели прямоугольные перемычки, причем в первом этаже тянутые наличники украшали замковые камни, а во втором - филенки, заполненные лепными гирляндами. Более насыщенная деталями была северо-восточная часть фасада. Здесь два окна второго этажа были украшены треугольными сандриками и полочками внизу.

Центр был выделен лепной люкарней, а в дальнейшем на ней появилось рельефное изображение серпа и молота.

Тогда же на территории усадьбы был возведен двухэтажный жилой дом, повторяющий домик Фридриха Энгельса в Манчестере.

В Акте осмотра здания 9-го сентября 1927 года участковым архитектором Управы Московского Губернского инженера А.Ф. Ситуй в присутствии представителя Института К. Маркса и Энгельса было установлено: «Институтом К. Маркса и Энгельса возведено каменное 3-х этажное строение лит. 3 с подвалом. Все междуэтажные перекрытия и чердачное устроено из негоряемого материала, устроены 2 каменные лестницы, причем обе лестницы доведены до чердака. Уборные отделены от коридоров и от соседних помещений негоряемыми стеклами. Настланы: в помещениях паркетные в коридорах, вестибюлях и на площадках лестниц плиточные полы. Установлены дощатые оштукатуренные перегородки. Навешаны

двери и окна. Оборудованы уборные, устроено центральное водяное отопление и приточно-вытяжная вентиляция. На чердаке устроены сборные вентиляционные алебастровые короба основанные на дощатом настиле, вентиляционные камеры каркаса и алебастровых плат с дощатым основанием. Стропила деревянные. Кровля железная. Работа произведена «Мосстроем». Перечисленные выше работы произведены согласно выданного Управлением Губ. Инженера разрешения и утвержденных им чертежей от 2-го Августа 1926 г. за №3-7206-5.

Отступления от выданного разрешения допущены следующие: Не сломано каменное 2-х эт. дворовое жилое строение лит. Г2, сломано одноэт. камен. нежилое при правой меже. В наружной кирпичной стене вестибюля №1 сделаны 2 окна. В вестибюле №2 не сделаны стенки лит. а, б, в, г, д, е, ж и взамен их сделаны в другом месте стенки лит. 3 и лит. К. При женских уборных в 1-м, 2-м и в 3-м этаже устроен грузовой подъемник и двери в женские уборные перенесены в другое место. Вход в вестибюль №2 перенесен в другое место... Качество работ и употребленного в деле материала признано удовлетворительным» (примечание автора: некоторые слова исправлены по правилам современной орфографии).

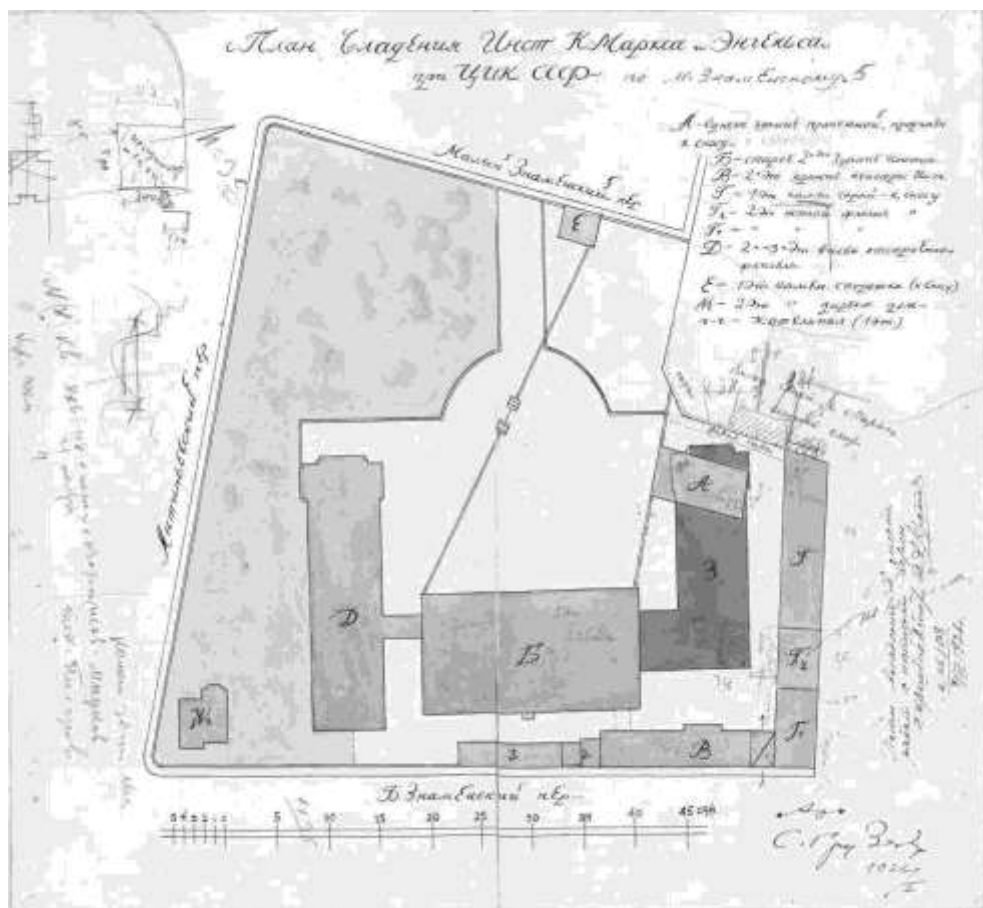


Рис. 3. План владения Института К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР по М. Знаменскому, 5. (ГБУ «ЦГА г. Москвы» ОХ НТД (ЦАНТДМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 5291. Л. 22. Ч. 1. 1926 г.)

А – одноэтажное здание прачешной, предназн. к сносу. Б – старое 2-эт. здание Института. В – 2-эт. здание конторы Института. Г – 1-эт. каменный сарай – к сносу.
Г2 – 2-эт. жилой флигель – к сносу Г1 – «». Д – 2-3-эт. вновь построенный флигель. Е – 1-эт. камен. сторожка (к сносу) Ж – 2-эт. – «»- директ. дом. г-г – котельная (1-эт.).

В 1931 году несколько институтов, в том числе и институт Маркса и Энгельса, объединили, создав новый - Институт Марксизма-Ленинизма. Тогда же в тимпане фронтона главного дома были выполнены рельефные бюсты Маркса, Энгельса и Ленина, а в лонетах – изображения серпа и молота. В 1960 году институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС переехал в новое здание, а в освободившейся усадьбе через два года открыли музей Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Правую пристройку заняли редакции журналов «Коммунист» и «Агитатор».

В 1992 году в соответствии с договором № 63 от 15 июня 1992 года Государственным комитетом Российской Федерации по управлению государственным имуществом «Главный дом усадьбы» с прилегающей территорией был передан в долгосрочную аренду Дворянскому Собранию России.

Усадьба в ведении Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Распоряжением Мингосимущества России от 18.02.1999 № 259-р здание было передано Государственному музею изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

В 2009 году специалистам ФГУП «Спецпроектреставрация» удалось завершить проект реставрации (предыдущие попытки 1988 и 1994 годов прерывались из-за смены собственника здания). Согласованный Департаментом культурного наследия города Москвы проект реставрации предусматривал восстановление наборного дубового паркета в помещениях первого и второго этажей, восстановление изразцовой печи на втором этаже и камина в вестибюле первого этажа, восстановление штукатурных тянутых карнизов подвального, первого и второго этажей, реставрацию деревянных балок перекрытия в эркерном зале, реставрацию и воссоздание дубовых панелей, дубового плинтуса первоначального объема 1925 года и панелей красного дерева, сохранение и реставрацию всех первоначальных элементов архитектуры фасадов, восстановление световых фонарей прямиков подвала и другие меры по сохранению памятника. В целях соблюдения действующих норм по энергоэффективности оконные блоки предполагалось выполнить в виде двух рам – с однокамерным стеклопакетом и одинарным стеклом.

В соответствии с концепцией Нормана Фостера и эскизным проектом реставрации творческим коллективом Экспериментального проектного института «Моспроект-5» (Руководитель авторского коллектива С.Б. Ткаченко, ГИП А.А. Ковальский, ГАПы Б.В. Андреев, Д.Б. Гуреев, гл. конструктор М.А. Логунов, архитекторы П.И. Махмудова, А.Н. Соколова, Е.Ю. Симонова, О.С.Рогожина и др.) в 2011-2013 годах был подготовлен проект комплексной реконструкции, реставрации и приспособления домовладения 3/5 (Москва, Малый Знаменский пер.) под Картинную галерею искусства старых мастеров. Проект получил в январе 2014 года положительное заключение государственной экспертизы и был готов к реализации.

Описание проекта 2013 года

Проект, подготовленный ООО «ЭПИ МОСПРЕКТ-5» предусматривал размещение выставочных залов в трех надземных этажах.

Под двором организовывалось обширное общественное пространство на уровне второго подземного этажа, перекрытое сводчатыми конструкциями. В этой общественной зоне размещались кассовые залы, гардероб, магазины, буфет, экспозиционно-лекционный зал, а также залы экспозиции. Со входом на первом этаже второй подземный этаж сообщался посредством двух эскалаторов. Первый подземный этаж был запроектирован только под историческим зданием и выполнял техническую функцию. Зона хранения экспонатов и техническая зона размещались на третьем и четвертом подземных этажах. Вертикальное перемещение обеспечивалось 6 лифтами и 10 лестницами. Сторожка у ворот, со стороны главного здания ГМИИ им.А.С.Пушкина восстанавливалась из новых материалов.



Рис. 6. План второго подземного этажа из проекта 2013 года.

Возведением обширного подземного объема, в котором размещались многие инженерные системы, без которых немислим современный музей, решалась проблема сохранения существующего архитектурного ансамбля исторической городской усадьбы в максимально возможном виде [19].

Несколькими годами ранее, в 2009 году ФГУП «Спецпроектреставрация» разработала и согласовала в Департаменте культурного наследия города Москвы эскизный проект реставрации, который был развит в проекте ООО «ЭПИ «Моспроект-5»».

В ходе начавшихся ремонтно-реставрационных работ под руководством Виктора Демидовича Голуба на фасадах центральной части главного дома были выявлены следы оконных наличников второго этажа с разорванными треугольными фронтонами, кувшинообразными завершениями, с очертаниями округлых подвесок под срубленными полуколоннами; фрагмент окна первого этажа на южном фасаде имеющий четверть под ставни и частично сохранившуюся трехцентровую арочную перемышку; следы двух первоначальных дверных проемов на внутренней части западной фасадной стены. Прослеживаются по всем фасадам центральной части главного дома фрагменты межэтажного карниза с поребриком. По всему контуру центральной части здания был выявлен белокаменный цоколь

Внутри помещений первого этажа были выявлены многочисленные печуры, оконные и дверные откосы, распалубки первоначальных проемов, нарушенные внутрстенные металлические связи, деревянные перемышки над некоторыми дверными и оконными проёмами. В тамбуре вестибюля был выявлен фрагмент исторического пола, а в помещении вестибюля частично сохранилась штукатурная и лепная отделка стен и потолка конца XIX-го века (тянутый карниз, фрагменты кессонов потолка), а также деревянная остеклённая перегородка, отделяющая вестибюль от тамбура.

На втором этаже в помещении большого зала в парадной анфиладе были выявлены сохранившиеся элементы архитектурно-художественного оформления интерьера: широкий арочный проем с импостом под балюстраду антресоли, фрагменты десюдепортов боковых дверей анфилады. На внутренней поперечной стене помещения второго этажа, примыкающего к парадной лестнице, три хозяйственные ниши с четвертями и подставами под ставни; дверной проем с деревянной колодой, сохранившей войлочную обивку, подставы и петлю под дверной замок; фрагмент внутрстенной лестницы с белокаменными ступенями, ведущей на третий этаж; фрагмент дверного откоса, выходящего под углом из стены с подставами, выставленными на белокаменные блоки; пята свода, являвшегося первоначальным перекрытием.

Корректировка проекта в 2016–2018 годах.

К 2016 году у нового руководства музея (М.Д. Лошак) сформировалось понимание о необходимости увеличения экспозиционных площадей, что потребовало переработки проекта.

Эта корректировка была начата реставрационной компанией «БалтСтрой» и успешно завершена в 2018 году архитектурной мастерской Сахновского.

Откорректированный проект 2018 года, при почти неизменности границ застройки, претерпел много изменений по сравнению со своим предшественником.

Внутренний двор превратился в перриптерный зал (зал с колоннами и балконом на уровне первого подземного этажа), на месте галереи и лекционного зала возникли трехсветные (высотой в три подземных этажа) выставочные залы с пешеходным мостом на уровне второго подземного этажа, обеспечивающим перехода в главное здание музея. Залы под флигелями стали более просторными за счет сокращения количества внутренних стен. Подвальные помещения флигелей были отданы под размещение инженерных систем. Изменились положения лифтов и лестниц.

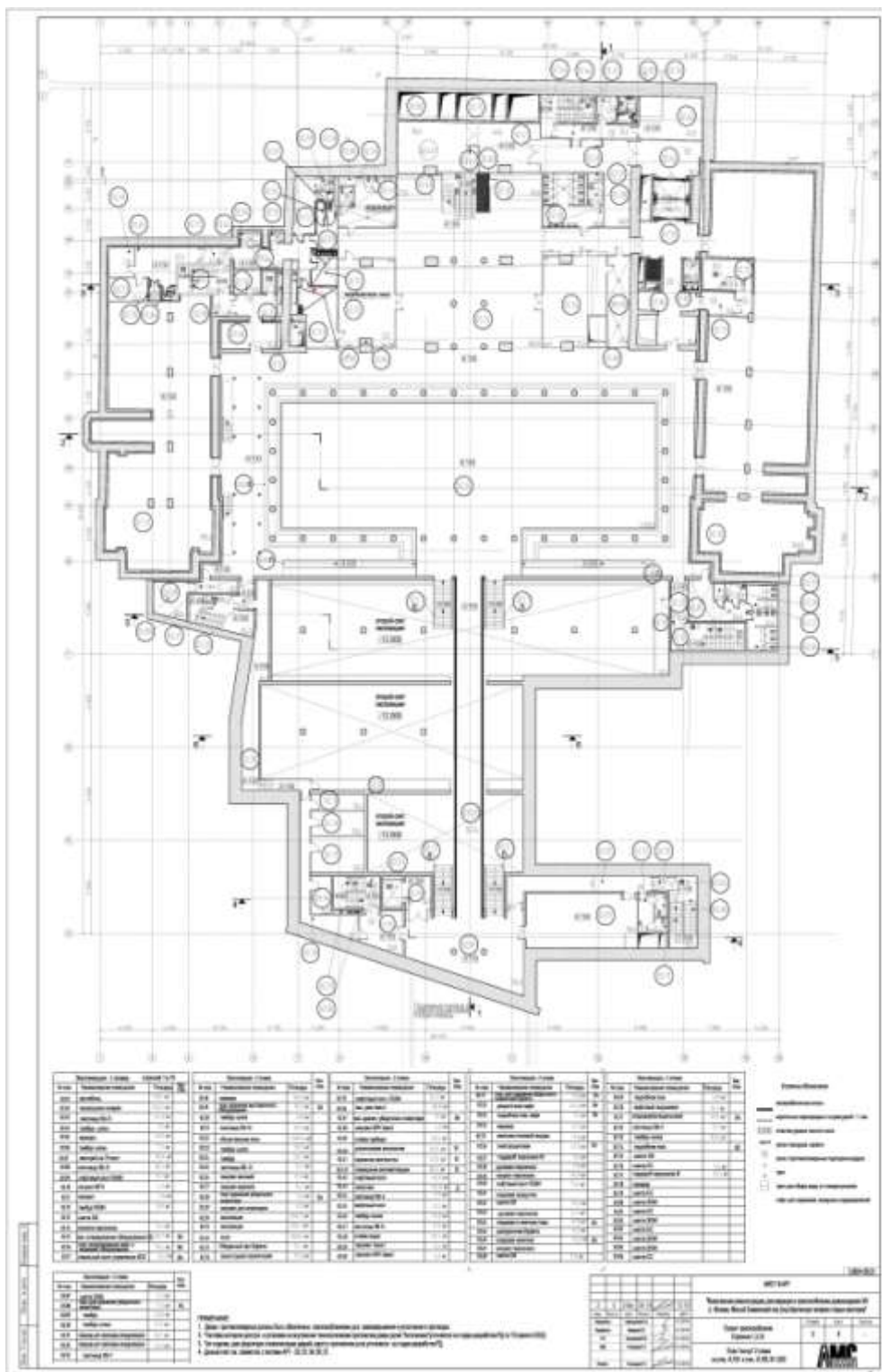


Рис. 9. План второго подземного этажа из проекта 2018 года.

Сводчатые потолки основных подземных залов были заменены на кессонные. В отделке помещений надземной части было решено отказаться от восстановления большинства помещений (чтобы отделка не отвлекала от экспонатов), за исключением парадного вестибюля, мраморной лестницы ведущей на второй этаж и двух двухсветных залов расположенных в торцах боковых флигелей на втором этаже.

Важное место в проекте уделялось размещенным на третьем и четвертом подземным этажам хранилищ слепков, шпалер и других музейных экспонатов. На четвертом подземном этаже располагались реставрационные мастерские и уникальный комплекс по промывке шпалер, имеющийся, в более скромных размерах, только в Государственном Эрмитаже, что позволяло организовать весь комплекс по реставрации шпалер [20].

Описание изменений проекта 2025–2026 годов

После очередной смены руководства музея (руководившую с марта 2023 года Елизавету Станиславну Лихачеву в январе 2025 года сменила Ольга Николаевна Галактионова) было принято решение об отказе от организации подземных пешеходных коммуникаций между отдельными зданиями музейного городка. Это повлекло необходимость переработать ранее планировавшуюся схему коммуникаций.

Архитектурная мастерская Сахновского (ГАП В.А. Сахновский, ГИПы И.Н. Половцев, А.С. Кунихин, архитекторы А.А. Панкина, Е.А. Иванова, И.С. Лебедева, Ю.А. Мосягина) весной 2025 года переработала технологическую схему и предложило новую схему передвижения посетителей по зданию, исходя из обособленного его функционирования.

По новой схеме, посетители для осмотра экспозиции сначала проходят в правый флигель, последовательно осматривая сначала первый, потом третий, а затем второй этаж. Осмотрев экспозицию правого флигеля, посетители через залы второго этажа основного здания переходят в левый флигель, где также осматривают сначала экспозиции второго, затем третьего и возвращаются на первый этаж, откуда могут пройти в подземные выставочные залы.

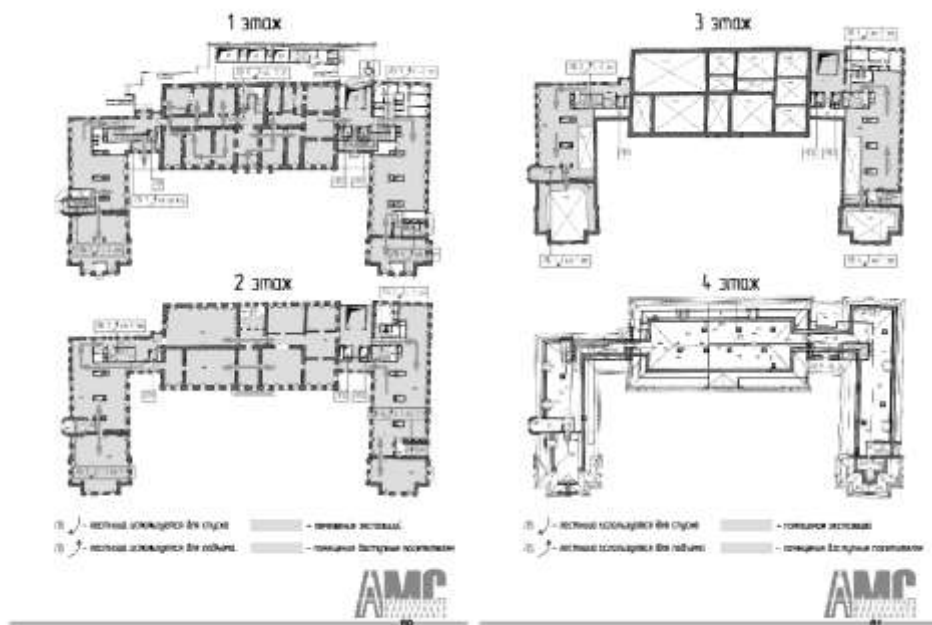


Рис. 10. Пути перемещения посетителей на надземных этажах.

Спустившись на второй подземный этаж, посетители попадают в двухсветный перриптерный зал, откуда по лестницам спускаются на третий подземный этаж и осматривают экспозиции в трехсветных залах. Завершив осмотр, посетители возвращаются в перриптерный зал по пешеходному мосту на уровне второго подземного этажа.

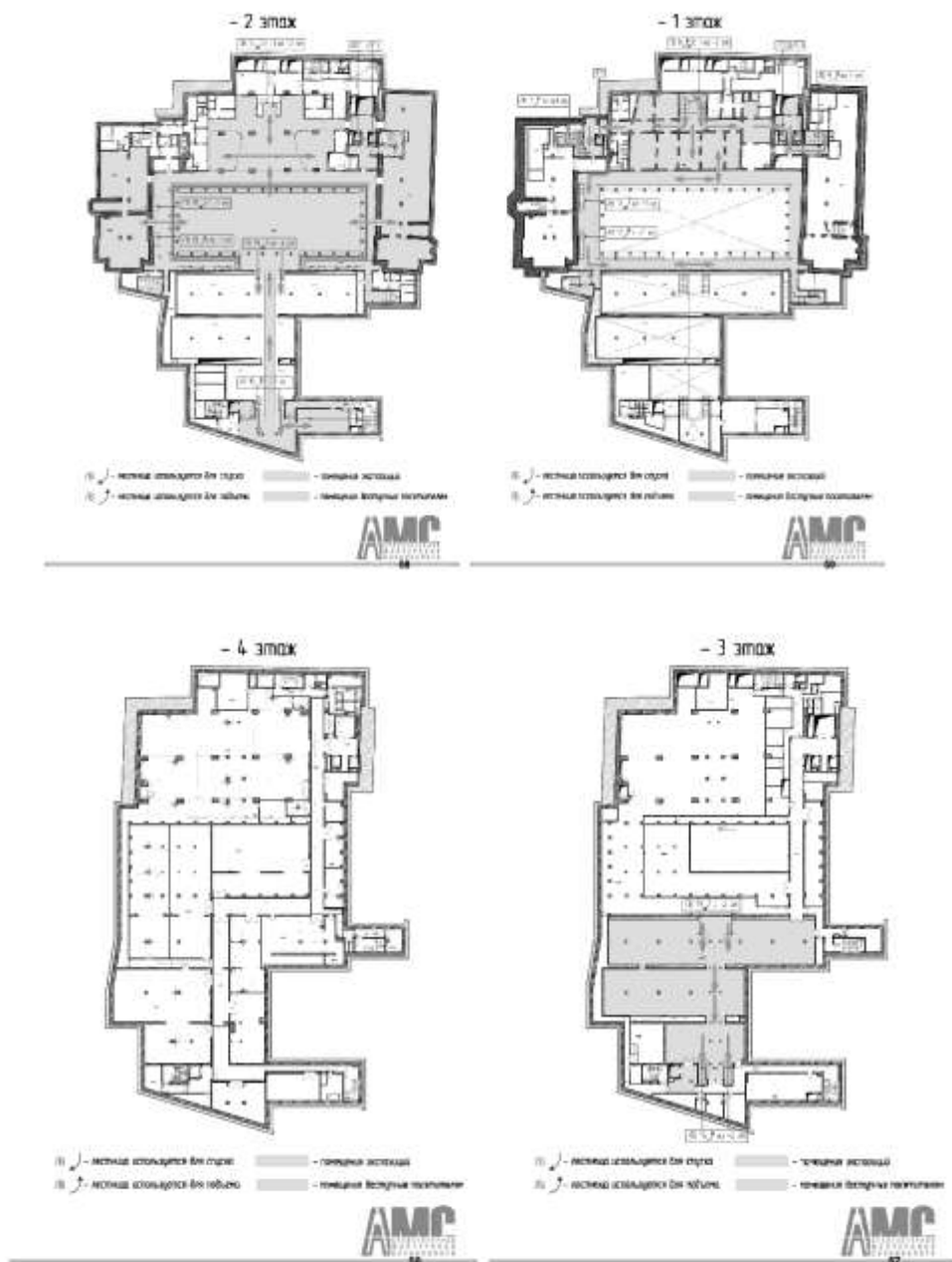


Рис. 11. Пути перемещения посетителей на подземных этажах (помещения доступные посетителя выделены более темным цветом).

Зона кафе расположена на уровне второго подземного этажа, а гардероб, музейные магазины с пешеходной галереей вокруг перриптерного зала на уровне первого подземного этажа.

Предложенная схема максимально сохраняла ранее принятую схему зонирования помещений и предполагала использовать лестницы для движения посетителей только в одну сторону (или на подъем или на спуск), что должно исключить возникновение толчеи при встречном перемещении посетителей по лестницам.

Необходимо признать, что в случае функционирования здания картинной галереи в качестве самостоятельно эксплуатирующегося здания, было бы более рационально выделить весь первый этаж какого-либо из флигелей для размещения основного входа, зон проверки посетителей, касс и гардеробов. Это позволило бы обеспечить связность выставочных помещений по первому этажу и исключить необходимость посетителям спускаться на минус первый этаж для посещения гардероба. Однако это повлечет за собой полную переработку музейной технологии. Поэтому пока такое решение на уровне пользователя (музея) не принято.

Выводы

Создание уникальных музейных экспозиций происходит благодаря подвижничеству ярких личностей, увлеченных своей идеей и способных зажечь ею других, в том числе представителей власти.

Строительство (или реконструкция) здания для размещения музейной экспозиции представляет сложную проектно-технологическую задачу, на решение которой уходят многие годы.

Поэтому важным элементом создания подобных строений должна стать подробная технологическая система (продуманная до мелочей музейная технология конкретного музея), разработка которой должна предшествовать началу архитектурно-строительного проектирования. В последствии заказчику следует строго придерживаться данной технологии, поскольку любое отступление от нее приводит к перепроектированию, а значит удлинению сроков как проектирования, так и строительства в целом.

Опыт строительства крупных строек нетиповых объектов показывает, что советские временные нормативы на проектирование и строительство (5 лет для всего инвестиционного цикла) не применимы для подобных уникальных сооружений.

Список литературы / References

1. *Скударь Е.В.* Декан историко-филологического факультета Московского университета профессор А.А. Грушка и музей изобразительных искусств // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2008. № 1. С. 67-73.
2. *Цыпкина А.Г.* "Ему выпало счастье видеть мечты свои осуществившимися..." Воспоминания В.И. Цветаевой об отце. Март 1960 г. // Исторический архив. 2022. № 2. С. 3-41.
3. *Стукалова О.В.* Загадка мецената // Инициативы XXI века. 2013. № 2. С. 82-85.
4. *Нацоккина М.В.* К биографии архитектора П.С. Бойцова: конкурсный проект Музея изящных искусств в Москве // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2016 году: Сборник научных трудов РААСН. – М.: Издательство АСВ, 2017. С. 164-167.
5. *Кармазина Т.Л.* Архитектор Роман Клейн // Архитектура и время. 2017. № 5. С. 26.
6. *Савельева О.М.* К истории рождения Музея: имена, даты, детали // Stephanos. 2018. № 4(30). С. 54-65.
7. *Цветаев И.В.* Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве. Москва: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1912. 16 с.

8. *Старостенко Ю.Д.* Здание Музея изобразительных искусств в пространстве реконструируемой Москвы в 1930-е годы: идеи и проекты // *Academia. Архитектура и строительство*. 2024. № 2. С. 105-114.
9. *Яворская Н.В.* История Государственного музея нового западного искусства (по документам и воспоминаниям) // *Искусствознание*. 2002. №1/02. С. 595-603.
10. *Баканова И.В.* Пушкинский музей: приближая новые // *Вестник МГУУ*. 2016. № 1. С. 32-35.
11. *Баканова И.В.* Личность имеет значение: к 100-летию Ирины Александровны Антоновой // *Вопросы музеологии*. 2022. Т. 13, № 1. С. 121-139.
12. *Макарова И.И.* К вопросу о модернизации ГМИИ им. А.С. Пушкина // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2010. № 15(58). С. 283-287.
13. *Ревякин В.И.* Архитектурное будущее музея // *Архитектура и современные информационные технологии*. 2012. № 5. С. 11.
14. Смена парадигм. Новые музейные пространства в России и мире // *Вестник государственной экспертизы*. 2017. № 2(3). С. 101-112.
15. *Щенков А.С.* Современные проблемы реконструкции музеев в исторической городской среде // *Архитектура и современные информационные технологии*. 2023. № 4(65). С. 121-133.
16. Музейная трансформация // *Вестник государственной экспертизы*. 2018. № 3(8). С. 94-112.
17. *Сахновский В.А., Половцев И.Н.* Музейный городок на Волхонке: о проекте реконструкции ГМИИ имени А.С. Пушкина // *Вестник. Зодчий. 21 век*. 2024. № 2(91). С. 40-43.
18. *Рокитянский Я.Г.* Из биографии академика Д.Б. Рязанова: разгром Института К.Маркса и Ф.Энгельса (март 1931 г.) // *Отечественные архивы*. 2008. № 4. С. 10-23.
19. *Федотова Н.Ю.* Современный образ музейной архитектуры: модернизация архитектурного наследия // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова*. 2020. № 1-1. С. 110-119.
20. *Бородин И.В.* Становление и развитие практики реставрации тканых шпалер в России в XIX – XXI вв.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2024. 303 с.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
153000, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО,
УЛ. КРАСНОЙ АРМИИ, Д. 20, 3 ЭТАЖ, КАБ. 3-3,
ТЕЛ.: +7 (915) 814-09-51.

HTTP://WWW.IPI.RU
E-MAIL: INFO@P8N.RU

ТИПОГРАФИЯ:
ООО «ОЛИМП».
153000, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО,
УЛ. КРАСНОЙ АРМИИ, Д. 20, 3 ЭТАЖ, КАБ. 3-3

ИЗДАТЕЛЬ:
ООО «ОЛИМП»
153002, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО, УЛ. ЖИДЕЛЕВА, Д. 19

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА: ВАЛЬЦЕВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ,
ВОРОБЬЕВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ». [HTTPS://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](https://www.scienceproblems.ru)
ISSN 2304-2338(Print), ISSN 2413-4635(Online). EMAIL: INFO@P8N.RU, +7(915)814-09-51

 **РОСКОМНАДЗОР**

Реестровая запись ПИ № ФС 77-47745



**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»
/PROBLEMS OF MODERN SCIENCE AND EDUCATION»
В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ РАССЫЛАЕТСЯ:**

1. ФГБУ "Российская государственная библиотека".
Адрес: 143200, г. Можайск, ул. 20-го Января, д. 20, корп. 2.
2. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.
Адрес: 127006, г. Москва, ГСП-4, Страстной б-р, д.5.
3. Библиотека Администрации Президента Российской Федерации.
Адрес: 103132, г. Москва, Старая площадь, д. 8/5.
4. Парламентская библиотека Российской Федерации.
Адрес: 125009, г. Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1.
5. Научная библиотека Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва.
Адрес: 119192, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27.

ПОЛНЫЙ СПИСОК НА САЙТЕ ЖУРНАЛА: [HTTPS://IP11.RU](https://ip11.ru)



Вы можете свободно делиться (обмениваться) — копировать и распространять материалы и создавать новое, опираясь на эти материалы, с **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ** указанием авторства. Подробнее о правилах цитирования: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.ru>

ЦЕНА СВОБОДНАЯ